

ГРАНЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Данил Брюханов

18+

Данил Брюханов

Грань

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Брюханов Д.

Грань / Д. Брюханов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Что есть сон? Почему древние мыслители часто ставили знак равенства между сном и так называемой «явью»? А что, если все есть «явь»? А что, если все есть «сон»? Молодому нефтянику Эрику Линдгаарду выпадает шанс ответить на эти вопросы. Одна роковая ночь в его жизни становится первой костяшкой домино, что запускает процесс обрушения всей конструкции. Вот только на этот раз конструкция эта – запутанный клубок древних истин, забытых богов и цивилизаций, магии, других миров, наблюдаемых сквозь решетку в бетонном карцере своего собственного разума. Содержит нецензурную брань.

© Брюханов Д., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Книга 1	5
Глава 1	5
Глава 3	12
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	29
Глава 7	42
Глава 8	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Книга 1

Глава 1

Вот уже несколько лет как между ними все было ровно и гладко: никаких пикировок, оскорблений, дружеские рукопожатия и похлопывания друг друга по плечу. Общение легкое, ненапряженное и ни к чему особо не обязывающее. Двое коллег, не более того. Однако так было не всегда. Чтобы прийти к нынешнему положению вещей, двум этим людям пришлось пройти через многие трудности. Конечно, прошлое накладывает отпечаток. Всегда разный и с разной глубиной следа, оставленного в памяти. Некоторые вещи ты практически не помнишь, в то время как другие все еще стоят перед мысленным взором, не теряя своих форм и четкости. И именно такие воспоминания ты проносишь через всю жизнь, порой чувствуя их отголосками и эхом старой, но такой осязаемой боли. Да, к сожалению, так уж устроен человек. Негатив и боль оставляют в его сердце и голове самые глубокие следы. Точно так же чувствовал себя и тот самый человек, история которого будет рассказана далее. В глубине его памяти сохранились воспоминания о прошлом: о проявленном неуважении и презрении, о каждодневном напряжении и обо всем том, что в наши дни принято называть психологическим террором.

И был другой человек. Тот, который, как нетрудно догадаться, был причиной боли для первого. Об этом другом человеке, о его искреннем отношении к первому доподлинно ничего не известно. Было ли оно по-настоящему негативное? Может, это была та самая настоящая ненависть? Глубинное, животное неприятие, когда все твое существо поднимается против кого-то из самых темных и первобытных уголков души? Или же это были обычные дружеские подколы, которые почему-то не понимал и на которые обижался тот, в чью сторону они были адресованы? Никто не знал. С уверенностью можно было сказать лишь то, что этот второй всегда был заводилой конфликтов, выступал с позиции хищника, никогда не извинялся и не шел на примирение. Именно он и был тем самым подлецом, который есть в жизни абсолютно каждого человека на любом жизненном этапе. Тот самый, о ком в свое время пела группа «Уматурман» в одной из своих песен: «Всегда найдется проблема, которую бывает сложно решить. Всегда найдется какой-нибудь подлец, который будет мешать тебе жить».

Первого звали Эрик, а второго – Эмиль. Несколькими годами позже, когда эти двое парней повзрослели, они, естественно, переросли эту глупую, никому не нужную конфронтацию. Так часто бывает с неглупыми людьми, что вынуждены работать вместе. Их отношения эволюционировали, перестроились под обстоятельства и, можно сказать, встали им обоим на службу. Теперь, много лет спустя, отношения их можно было бы даже назвать дружескими. По крайней мере, для стороннего наблюдателя да и вообще для любого человека это выглядело именно так. Но у одного из них точно, а может, и у обоих, осадочек, что называется, остался.

Не поймите неправильно: Эмиль никогда не обращался с Эриком как с грушей для психологического битья. Да, он всегда хотел и пытался в прошлом; но Эрик всеми силами не допускал к себе такого отношения. Он всегда старался отвечать так смело и дерзко, как только мог, но в то же время без излишней злобы, и никогда не переходить ту грань, за которой кончаются коллеги и начинаются реальные враги. А соблюдение такого баланса – весьма тонкая материя, и требуется очень много душевных сил человека, чтобы не порвать ее трепещущее полотно.

Эрик тогда работал в Иркутске в московском филиале компании, производящей нефтегазовое оборудование. Все началось с того, когда ему в помощь был направлен Эмиль вместе с назначенным на должность руководителя филиала Петром Семеновичем Кропоткиным. Руководство компании не стало доверять молодому, пусть и перспективному Эрику должность директора. После прибытия Петра Семеновича он должен был сосредоточиться на приемке

оборудования, его размещении на складах и координации поставок этого оборудования на объекты работ заказчика – нефтяной компании, которая была, по сути, монополистом в регионе. Эмиль же был отправлен на помощь Эрику разбираться со всей этой логистикой. Здесь надо сразу оговориться и заметить, что Эмиль и Эрик были знакомы с университета, учились параллельно, мало-мальски друг друга знали, здоровались за руку и могли перемолвиться парой словечек в коридоре во время ожидания пар. Другими не были даже близко и вообще особой потребности в общении друг с другом не испытывали. Однако же, как это часто бывает, providение или судьба, называйте как нравится, решила, что этим двоим стоит познакомиться гораздо ближе.

Первые искры их конфликта не заставили долго себя ждать и были высечены уже на следующее утро после приезда Эмиля и Петра Семеновича. Случилось это после утреннего селектора в небольшой комнатке на втором этаже склада, которая служила маленькому филиалу офисом. Эрик что-то искал в своем шкафчике, когда зашел Эмиль. Эрик повернулся на звук открывшейся двери, убрал рукой прядь русых, можно сказать, серых, почти доходящих до плеч волос со лба, улыбнулся и протянул руку вошедшему коллеге.

– Здорово, бродяга, – сказал Эрик, протягивая руку, чтобы поздороваться. – Как тебе в нашем мегаполисе?

Эмиль закрыл дверь, остановился, уставившись на Эрика. Затем протянул руку и пожал несильно и вяло, как некоторые из людей жмут руку тем, к кому не чувствуют особой симпатии.

– Здоровы твои патлы, это точно. Ты че такой волосатый? – ответил он с противной ухмылкой.

– Отличное начало разговора... Не помню, чтобы нанимал стилиста, – парировал Эрик.

– Выглядишь как баба, – заключил Эмиль, после чего прошел к своему столу, сел на стул и уставился в монитор компьютера.

«По ходу, веселый предстоит месяц», – подумал Эрик и продолжил ковыряться в своем локере. Такое начало общения выбило его из колеи, и он несколько секунд тупо перебирал вещи в ящичке, пытаясь собрать разбежавшиеся мысли.

Буквально минуту спустя в кабинет вошел Петр Семенович, прошел к своему столу напротив двери возле окна, сел на стул, достал из футляра очки в тонкой металлической оправе, включил компьютер, открыл почту и через какое-то время произнес:

– Эрик, партия оборудования под Вакунайку 7-й куст подготовлена к отправке?

– Вакунайка 7-й куст?.. – озадаченно спросил Эрик. – Но ведь вопрос о том, работаем ли мы на этом месторождении, еще вчера был открыт и наши перспективы там были более чем туманные, кроме того, Москва вообще сказала, что...

– Значит, так, – оборвал его Кропоткин, – у меня тут письмо от шефа, в нем он сообщает, что вопрос с Вакунайским месторождением утрясли и подряд там выполняем мы, соответственно, оборудование там по-хорошему должно было быть еще вчера. Поэтому бери Эмиля, дуйте на склад, и чтобы до обеда партия была готова к отправке.

– Петр Семенович, но готового комплекта оборудования туда нет, плюс я уже собрал системы на другие объекты, – ответил Эрик.

– Ну, вот поэтому, орлы мои, вас теперь и двое! Значит, ноги в руки, на склад – и рожаете мне коллегиально систему на Вакунайское-7. Повторять это я больше не хочу. С почты распечатаете план работ, и согласно ему комплектуете с Эмилем систему, все, вперед!

– Ну что, Рапунцель, по ходу, есть чем заняться, – весело сказал Эмиль. – Не забудь резиночку, а то еще зацепишься за что-нибудь по пути, еще скальп сам себе снимешь.

– Смотри сам не зацепись за что-нибудь и не поразбивай себе свои ослепительные зубы, а то ухмыляться будет нечем, – только и смог придумать в ответ Эрик, слегка охреневший от такой наглости.

– Бегом на склад, камеди клаб херов, пререкаться там можете хоть до усрачки, главное, систему мне соберите! – поторопил парней Кропоткин.

***

37 шуток про длинноволосых парней спустя нашим героям все-таки удалось собрать комплект для работ на новом месторождении. После того как Эрик дал финальные указания рабочим на складе, ребята отправились в столовую. По пути туда молодым людям даже удалось нормально пообщаться. Возможно, частично потому, что остроумие Эмиля показало свое дно, возможно, из-за врожденного благоразумия и в целом спокойного и незлобного характера Эрика. Так или иначе, но до столовой парням удалось дойти без единой остроты или подкола в адрес друг друга. Напротив, их беседа получалась довольно чинной и состоятельной. Эмиль рассказал Эрику о своей жизни после окончания университета. Жизнь эта ничем примечательным, кроме службы в армии, отмечена не была, и после этой службы Эмиль устроился в буровую компанию постигать ремесло с самых низов. Эрик в свою очередь поведал, что ему повезло немного больше и сразу после окончания университета он устроился в компанию, где и работал некоторое время на должности младшего офисного работника, и уже приблизительно через 2 года прилежной работы ему была оказана честь поднимать с нуля новый сибирский филиал компании. Эмиль же неплохо проявил себя в поле и с хорошими рекомендациями не так давно устроился в тот же филиал как еще один перспективный молодой специалист. Кроме того, Петр Семенович разглядел в нем что-то и взял с собой помогать Эрику, устроив на неплохую должность.

Всю дорогу до столовой и после, во время обеда, Эмиль вел себя вполне сносно и дружелюбно по отношению к Эрику, особенно на контрасте с его утренним поведением. Эрик же никак не мог найти объяснение этому феномену: почему, казалось бы, адекватные и неплохие при ближайшем рассмотрении люди порой, а то и довольно часто ведут себя как последние мудаки, постоянно ища самовыражение через попытки унижить других? В своих умозаключениях Эрик связал это с армейским прошлым Эмиля, тем более ни для кого не секрет, что доблестная российская армия нередко может буквально выворачивать характер неокрепших молодых людей наизнанку, меняя их самым немыслимым образом, порой до неузнаваемости, разворачивая вектор развития той или иной личности на 180 градусов. Конечно же, Эрик отдавал себе отчет в том, что и до этого особо не знал Эмиля, а уж после двухлетнего перерыва, тем более на службу в армии, им во многом предстояло знакомиться заново.

Работа в новом филиале шла успешно. Ребята справлялись с координацией работы склада и поставками оборудования весьма неплохо, несмотря на частые издевки со стороны Эмиля. Эрик, напротив, все не оставлял попыток выстроить общение так, чтобы этого эмоционального террора было как можно меньше. Петр Семенович смог наладить отношения с заказчиком настолько умно и филигранно, что почти все объемы в регионе доставались филиалу. Московский головной офис не мог нарадоваться на стабильные прибыли нового ответвления.

Конечно, как это часто бывает в жизни, урегулирование отношений в паре ложится в основном на плечи кого-то одного. В нашей паре Эрик – Эмиль роль миротворца и мирного увещателя невольно взял на себя первый. Сам Эрик оправдывал это тем, что другого выхода просто не существовало! Ведь, по мнению самого Эрика, более мудрым и уравновешенным в их тандеме был именно он. Часто Эрик беззлобно отшучивался или же вовсе отмалчивался в ответ на выпады своего коллеги. Однако такая миротворческая деятельность никогда не проходит бесследно для жертвы. Если, конечно, ты не Ганди или принц Гаутама, впоследствии ставший Буддой. Постепенно Эрик накапливал в душе груз обид, проглоченных издевок и мелких, почти пустяковых, но все-таки оскорблений. Очень часто вне работы Эрик невольно вспоминал и суммировал все эти мелкие и не очень подначки, ровными плотными слоями складывая их в глубине своей души. Так он постепенно формировал у себя в сознании неизгладимый и темный отпечаток – свой взгляд на Эмиля.

Один случай запомнился Эрику особенно ярко. Это было в середине первого месяца их совместной работы в филиале. Груз мелких обид в его душе уже ощущался довольно весомой тяжестью, и чтобы облегчить этот груз и вообще вздохнуть наконец свободно, как и привык дышать Эрик, он решил ответить Эмилю так резко и с такой возможной дерзостью, на которую только и был способен.

Случилось это во время приемки новой поставки оборудования с завода. Парни разбили перечень на две части и, неторопливо проходя между стройными рядами ящиков, проставляли галочки в списке оборудования на планшетах.

– Эй, Уильям Волос! Не могу сосчитать нижние сборки под манжетный цементаж. В фактуре 55, у меня только 40. Пораскинь кудрями, возможно, у тебя где завалилось, – в своей, в общем-то, привычной манере обратился к Эрику Эмиль.

Ну и что тут такого, спросите вы? Обычное обращение одного товарища к другому. Шуточное и ни к чему в принципе не обязывающее. И здесь с вами тяжело было бы поспорить. Однако для Эрика, выслушивающего подобные реплики изо дня в день с небольшими перерывами, это обращение послужило сигналом к действию.

– А ты перестань считать овец, которых выебал, может, и сосчитаешь все ящики, – грозно и резко парировал Эрик.

Эмиль был кавказцем, и поэтому Эрик с высоты своих 27 лет счел такой ответ наиболее бьющим в цель. Эмиль отложил свой планшет и сказал:

– А ну, волосатый, повтори, че это ты только что пизданул?! – теперь уже серьезно, без всякой ухмылки спросил он.

– Че слышал, чурка, – Эрик решил не останавливаться на полдороги.

Эмиль в мгновение ока перемахнул через пару ящиков и почти бегом направился в сторону Эрика. Тот же лишь медленно поднялся с корточек на ноги, развернувшись в сторону метавшего молнии из черных глаз Эмиля, быстро сокращавшего дистанцию. Эмиль быстрым шагом подошел вплотную к Эрику, разделяло их теперь всего несколько сантиметров. Несмотря на то что Эмиль был ниже Эрика почти на голову, он, продолжая сверкать черным огнем глаз, в упор посмотрел на более высокого оппонента и произнес с непритворной яростью:

– Ты че, сука, ну-ка повтори, кто здесь чурка?

От такого напора и неожиданности сфинктер Эрика стал предательски сокращаться и откуда-то в коленях появилась дрожь. Мгновения они просто смотрели друг на друга. Эрик чувствовал гулкие удары сердца, эхом отдающиеся где-то в ушах. Сиюминутным желанием Эрика было резко оттолкнуть Эмиля в грудь и начать драку, он понимал, что сильнее и габаритней его и эту драку, скорей всего, выиграет, тем более он также имел за плечами хоть и небольшое, но все-таки боксерское прошлое. Плюс он терпеть не мог, когда люди подходят слишком близко. Однако же он также понимал, что на складе полно людей и кто-то из них, возможно, с самого начала следит за их перепалкой и с азартом ждет, чем же закончится конфликт. Поэтому Эрик не хотел провоцировать или, чего доброго, начинать драку, так как ничем хорошим для его карьеры она закончиться не могла. Взвесив все за и против, он спокойно, не сходя с места, сконцентрировав все доступное ему самообладание, как можно спокойнее сказал:

– Чурка? Ну, очевидно, не я.

– Я – чурка? – агрессивно спросил Эмиль, не унимая горящий в глазах огонь. – Ну-ка обоснуй почему?

– С чего бы мне тебе чего-то обосновывать, собственно? – сказал Эрик. – Ты оскорбил меня, я тебя в ответ. И вообще, ты прилично достал меня за эти две недели!

– Я говорил и говорю только то, что ты волосатый, потому что ты ВОЛОСАТЫЙ, придурок.

– Насрать! Меня это достало, и я не потерплю больше подобного обращения. Мои волосы – мое дело. Это гражданка, а не твоя дебильная армия, здесь люди могут ходить как хотят.

Эрик, кстати говоря, в армии не был.

– Короче, назовешь меня чуркой еще раз – все ебало разобью, – попытался оставить последнее слово за собой Эмиль.

– Будешь вести себя как чурка, не ссы – назову.

Тут Эрик собрался наконец со своими привычными трезвыми мысли, адреналин схлынул, и он продолжал:

– Чурка, если что, это НЕ про национальность. Это про поведение, не считаешь? Не веди себя как чурка – и никто тебя так не назовет. И вообще, нам еще ящички считать, какого ты вообще подлетел-то сюда, гордый АРЁЛЬ? – попытался в привычной манере разрядить обстановку Эрик и улыбнулся.

– Ну-ну, – буркнул Эмиль, возвращаясь к своим оставленным ящичкам. – Ты меня слышал...

Парни возобновили подсчет, изредка переговариваясь лишь по делу. Остаток дня прошел сравнительно спокойно.

Глава

2

Иркутский филиал, в котором трудились наши герои, по прошествии двух месяцев обеими ногами встал на твердую почву экономического роста. Петр Семенович остался работать в должности регионального директора. Эрик был отправлен в Томск заниматься привычным для себя делом – в качестве первопроходца новых рынков по добычи сырья. К счастью, наша страна настолько огромна, что встретить нефть и газ в ее недрах представляется более возможным, чем не встретить их там. Эмиль же остался в Иркутске в качестве первого доверенного лица и помощника Петра Семеновича на официальной должности его заместителя. И вот уже полгода как наши герои не виделись.

После той памятной перепалки на складе отношения между парнями несколько облегчились для Эрика. И дело было вот в чем. Эмиль говорил на нескольких языках. На русском, на своем этнически родном – азербайджанском – и мог даже довольно неплохо изъясняться на английском. Но один язык был ему чуть ли не ближе родного. Этим языком был язык силы. И как только до него дошло, что Эрик способен изъясняться на этом языке так же сносно и доходчиво, как и он сам, отношения между парнями пошли на поправку. Нет, кавказец не оставил своей привычной манеры общения, ведь это являлось частью его натуры, однако же существенно снизил частоту и градус присущих ему шуток и подколов. По крайней мере, Эрик теперь мог с ним работать без дальнейшего разрушения своего душевного спокойствия. Без накапливания обид и роста степени неприязни к коллеге. И во многом благодаря этому дела у парней как у руководителей, а следовательно, и у всего иркутского филиала быстро пошли в гору.

Эрик после расставания с Эмилем занял должность заместителя директора по производству и развитию в томском отделении компании. Он наконец-то задышал полной грудью. Ведь теперь он принимал самое непосредственное участие в наборе сотрудников, чему и был несказанно рад. Эрик сам проводил собеседования и утверждал в команду только тех людей, которые были ему симпатичны. Естественно, он принимал в расчет профессиональные навыки кандидатов, но не ставил их на безоговорочное первое место, как подавляющее большинство руководителей его уровня. Ведь по натуре Эрик был из тех руководителей, что превыше всего ценят порядочность и характер человека. Эрик никогда не понимал и не был согласен с выражением: «Хороший парень – не профессия». «Хороший и умный парень, – думал он, – это настоящий дар, а профессии всегда можно обучиться, было бы желание». Плюс ко всему было очень приятно занимать столь высокий пост в таком молодом возрасте. Эрик стойчески пытался заглушить громкое пение медных труб у себя в голове, ибо твердо знал: нет ничего для личности

более разрушительного и вредного, чем гордыня. Однако одновременно с этим ужасно гордился своей развитой не по годам мудростью, позволяющей это понимать.

На протяжении двух лет молодые люди работали в одной компании, успешно справляясь с возложенными на них обязанностями. Пару раз в год они пересекались на праздниках, обучениях, спартакиадах и на всем том, что любая уважающая себя компания устраивает для сотрудников, возвращая и укрепляя в них тот самый корпоративный дух. Все эти активности требовали подчас непомерных ресурсов, времени и сил, а нацелены были на то, чтобы работники прониклись друг к другу теплыми чувствами и стали настоящей командой. Это, разумеется, в идеале. Эрик же думал, что ключевую роль в сплочении любого коллектива играет количество совместно выпитого алкоголя. А все эти тимбилдинги, коучинги и прочие тренинги есть не что иное, как ширма, цель которой – цивилизованно прикрыть желание массовых скоплений офисного планктона к оскотиниванию и бесконтрольному спариванию вдали от жен и семей. Поэтому он смотрел на все эти проявления корпоративного зомбирования со здоровой иронией и цинизмом и благодарил всех богов, одаривших его той самой колоссальной мудростью, позволяющей это понять. Но, как и любой умный и проницательный человек, а также образцовый сотрудник, старательно играл свою роль в этом корпоративном мракобесии, когда то имело место. Станным было бы как раз обратное.

Когда между Эриком и Эмилем случались встречи на вышеописанных мероприятиях, то оба вели себя дружелюбно, цивилизованно и, можно сказать, даже чинно. Прошлые перепалки и подтрунивания друг над другом не повторялись и, более того, теперь вообще казались немыслимыми. Парни всегда тепло приветствовали друг друга, обнимались, хлопали по плечам. Однако у Эрика при таких встречах всегда пробегал холодок по телу. Он ничего не забыл, и каждый раз, когда видел Эмиля, внутренне концентрировался, собираясь с силами и готовясь к новой возможной пикировке. Он не мог допустить даже малейшей насмешки или любого другого удара по своей репутации. Ведь если он покажет, что хоть кто-то может позволить по отношению к нему неуважительный тон, то и с уважением подчиненных на новом месте можно будет распрощаться. Поэтому Эрик всегда был настороже. Он даже заготовил себе набор острот и всегда при появлении Эмиля в поле зрения перебирал их в уме, подобно тому как герои боевиков заряжают свое оружие и проверяют другую амуницию перед жаркой заварушкой.

Как чувствовал себя Эмиль во время их встреч, мы с уверенностью сказать не можем, 85 % – что он относился к этому гораздо проще, а может, и вообще не помнил или не придавал значения их прошлым конфликтам. Во-первых, это было для него скорее естественное, а вовсе не стрессовое состояние. Во-вторых, потому что опять же 90 процентов всех конфликтов инициировал он сам. Да и вспомните себя: когда вы выступаете в роли агрессора, когда идете на конфликт и, что самое главное, когда жертва ваша уступает и не дает отпор, адекватный вашей агрессии, страдаете, конечно же, не вы. А кто страдает от всего этого, вам и дела особенно нет. Напротив, атакующий чувствует себя на коне. А как же иначе! Ведь так и должно быть! Атака, напор и чувство доминирования как раз-таки и придают уверенности и ощущение превосходства над другими. Нельзя ведь представить себе гепарда, преследующего газель, хватящего ее острыми когтями, ломающего шейные позвонки мощной челюстью с острыми зубами, а потом терзаемого рефлексией по этому поводу. Таковы уж хищники, без этого им не выжить. Такими их создала природа, соблюдающая в своей непостижимой для человека мудрости баланс сил, без которого всем было бы в конечном итоге хуже. Вот и Эмиль, судя по всему, был тем самым хищником, которому, возможно, было не выжить без психологических атак на окружающих. Не выжить в первую очередь в психологическом плане. Ясное дело, на выживании его физической оболочки это вряд ли бы отразилось. Но симбиоз здорового тела и духа со времен древних римлян так никто и не отменял. Поэтому если на душе беспокойно и дух штормит на волнах эмоциональной нестабильности, то кому вообще нужно это здоро-

вое тело? И не было бы рядом Эрика для реализации потребностей Эмиля в самовыражении за счет угнетения слабых, нашелся бы кто-нибудь другой. Кстати, наблюдения Эрика это наилучшим образом подтверждали. Эмиль всегда старался найти себе кого-то, цеплялся к нему и начинал осуществлять по отношению к несчастному одну эмоциональную атаку за другой, терроризируя душу жертвы. Эрик же в таких случаях, обладая обостренным чувством справедливости, всегда подобно британскому отряду SAS, созданному для борьбы с терроризмом, бросался на выручку оккупированному бедолаге. Понятно, что делал он это как можно более цивилизованно, никогда не переходя грань. В такие моменты Эмиль недоумевающе смотрел своими черными лукавыми глазами на Эрика, как бы вопрошая: «Брат, ну зачем ты мешаешь мне жить?! Зачем делаешь более тяжелой мою и так нелегкую ношу?». Да-да, все именно так! А как же иначе? Неужели кто-то думает, что другие люди полностью довольны своей жизнью и считают, что никто им ее не усложняет? Не тут-то было! В жизни абсолютно каждого из нас есть тот самый подлец, мешающий жить, о котором уже было сказано ранее.

В моменты, когда Эрик вступался за очередную жертву, сам Эмиль видел Эрика именно тем подлецом из песни и, конечно же, не мог не огорчаться по этому поводу. Но кавказец не страдал от скудоумия и поэтому хорошо понимал, что ему не к лицу выставлять себя агрессивным скандалистом на публике. Люди не любят таких и не хотят, чтобы такие ими руководили. А Эмиль, сам не зная почему, ни в коем случае не хотел прослыть очередным туповатым орлом кавказской наружности, склонным к пустой браваде и никому не нужной агрессии. Не хотел он быть еще одним примером, иллюстрирующим этот стереотип. Поэтому при первом же отблеске сияющих лат Эрика, вступившегося за очередного бедолагу, Эмиль безапелляционно отступал. «И что он постоянно лезет со своим неуклюжим, никому не понятным героизмом?» – всякий раз задавал себе вопрос Эмиль, когда подшучивал над кем-то самым нежным и безобидным, как ему искренне казалось, образом. Эрик виделся ему в такие моменты не более чем странным занудным чудилой, разрушающим всеобщее безобидное и дружеское веселье.

В общем, одни и те же ситуации и всегда совершенно разные взгляды на них. Как тут сказать, кто прав, а кто нет? Ведь даже когда ты говоришь или думаешь, что вот она, правда, кто-то другой напротив тебя, очень даже возможно, видит в этом нестыковку, алогизм и бред. Происходит так оттого, что он всего лишь смотрит на то же самое, что и ты, но под другим углом, и видит то, чего ты не видишь. Вот так и делаются выводы. Ведь неспроста возникло понятие «точка зрения». И если бы человек чаще не ленился обойти вокруг явления, а не упрямо стоять, вросши корнями, словно дерево, в свою точку, то мир, вероятно, стал бы куда более простым и понятным для жизни местом.

Глава 3

Погода в Томске в этот день выдалась чересчур туманная даже для осени. Город этот раскинулся в довольно болотистой местности, поэтому высокая влажность и туманы – здесь дело обычное. В этот день ближе к вечерним сумеркам Эрик Линдгаард прогуливался по одной из центральных улиц. Несмотря на то что жил он тут уже почти два года и повидал разных сумерек и туманов, сегодня даже он поражался тому, как небывало сократилась видимость. Хочешь не хочешь, а в голове всплывали будоражащие воображение картины из культовой игры *Silent Hill*, и, казалось, из-за каждого угла на тебя так и норовит наброситься медленно сторающая заживо, источающая черный гной нечисть. Бонусом к этой чудесной погоде выступала едва видимая морось в воздухе, которая так и норовила прилипнуть к лицу и осесть влажным конденсатом на одежде.

Проходя мимо горящей желтым светом витрины кофейни, Эрик всем своим существом почувствовал, с каким же удовольствием он выпил бы сейчас чашку чего-нибудь горячего. Например, мокко, почему нет? Тем более это была одна из его любимых разновидностей кофе. Повинуясь манящему уюту теплого света, разлитого по интерьеру кафе, он открыл дверь и шагнул внутрь. Поприветствовал его звонкий перелив китайских колокольчиков, висящих над входной дверью. Эрику показалось странным и даже неприятным, насколько высоким был их звук. Еще более странным ему показалось то, как долго перезвон этот висел в воздухе. Это продолжалось добрых 15–20 секунд. Колокольчики все звенели и звенели, переливаясь в своей невыносимо высокой тональности и, казалось бы, заставляя тебя самого звенеть и трепетать в унисон. И пока Эрик осматривал кафе в поисках понравившегося столика, за который хотел бы присесть, звук этот все не утихал.

Посетителей было немного. Эрик насчитал одного за баром и одного в дальнем конце у стены. Еще одна пара мило ворковала за столиком у окна, близко наклонившись друг к другу. Когда же Эрик увидел последнего посетителя, устроившегося за столиком возле окна, то чуть было не выронил снятую только что шапку. Дело в том, что через два столика от пары перед белой чашкой, от которой поднимался пар, сидел Эмиль, уткнувшись в телефон.

Комок смешанных чувств, точно запущенный шарик в пинбольном автомате, ударил Эрику в голову. В комке этом была неожиданность и какая-то странная непонятная радость, переплетенная с волнением. Там был легкий и очень быстрый укол страха, заставляющий человека собраться и мобилизоваться. Такие уколы Эрик всегда ощущал при встрече с этим своим коллегой. Несмотря на то что уже долгое время после того, как Эрик уехал из Иркутска, у них с Эмилем не было ни одного настоящего конфликта, всегда были эти уколы страха. Подсознательные, короткие и, очевидно, безвредные, но вот уходить они никуда не собирались. Каждый раз, когда черные огненные глаза ловили Эрика в свое поле зрения и тонкие губы кривились в едва заметной усмешке, та самая иголка с адреналином вонзалась Эрику в душу. Он про себя перетряхивал весь свой арсенал заготовленных к обороне средств. Несколько раз даже приходилось пускать их в ход. Чаще всего это приносило успех и добавляло Эрику очков уважения в корпоративной иерархии.

Иголку от душевной мяготи Эрика отняли так же быстро, как и всегда. А может, это он сам и колот себя ей? Кто знает? Сейчас Эрика почему-то осенила именно эта мысль. После бодрящего укола Эрик вспомнил, что отношения между ними давно потеплели на значительное количество градусов, что они ненамного, но все же повзрослели. Плюс ко всему, встретив коллегу, любого, не обязательно Эмиля, было бы странно и невежливо просто проигнорировать его. Поэтому, хоть Эрик и недолюбливал кавказца и не проникся к нему тем уважением или интересом, благодаря которым люди могут с удовольствием пить вдвоем что-то горячее, он решил присоединиться. Проходя по залу кафе к столику Эмиля, он обратил внимание, какой

же яркий свет разливали по интерьеру массивные лампы. Эти лампы были в форме вытянутых усеченных цилиндров неправильной формы наподобие советских сушилок для волос, которые многие встречали, например, в бассейнах. Ламп было три, и свисали они с потолка на длинных черных шнурах. Свет, льющийся из них, был настолько ослепительный и, можно сказать, густой, что за окнами ничего было не разглядеть. Создавалось впечатление, что кафе отрезано от всякой жизни, которая и так далеко не была ключом снаружи. Оно настолько разительно отличалось от сумеречной сырости улицы, что, казалось, вообще принадлежало другому миру и городу.

– Ну, привет, товарищ! – начал разговор Эрик, садясь напротив Эмиля за столик.

– Да-да, привет, – ответил Эмиль. – Я видел, как ты вошел, точнее, услышал, когда зазвенели колокольчики.

– Ну да, понятно. Кстати, тебе не показалось странным, как они звучали? – спросил Эрик.

– Почему странным? ... Хотя да, возможно, твоя тонкая душевная организация позволяет тебе слышать то, что простым смертным недоступно, – с привычной ухмылкой, изобразив театральную задумчивость, сказал Эмиль. – С китами-то еще не разговариваешь?

«М-да... – протянул про себя Эрик. – Ничего нового. Все тот же старый НЕДОБРЫЙ Эмиль».

– А ты что здесь делаешь, кстати, как занесло-то? Я думал, ты работаешь в Иркутске.

– Да вот, взял себе небольшой отпуск и приехал навестить одну знакомую, если понимаешь, о чем я, – отвечал Эмиль, и глаза его озорно блеснули.

– Ну-ну, чего ж тут непонятного, – пытаюсь выдать из себя ответную улыбку, сказал Эрик.

Таким образом, парни, пусть и не совсем искренне, но наконец-то улыбнулись друг другу.

– Кстати, рад за тебя, что ты подстриг наконец-то эти свои отвратительные патлы, – заметил Эмиль.

Прозвучало это почти как комплимент. Так или иначе, в силу своего оптимизма Эрик хотел верить, что именно комплиментом это и являлось.

– Это точно! С ними на самом деле много мороки: мыть надо, хвостик завязывать порой, а голову наклоняешь – ни хрена не видно – челка в глаза лезет.

– Главное, что на мужика теперь хоть начал походить, – резанул очередной своей ухмылкой Эмиль.

– И это, разумеется, тоже, – ответил Эрик, в первый раз ощутив скуку от постоянных подколов коллеги. Наблюдение это его порадовало. Значит, наконец-то он стал вырастать из того возраста, когда парни вечно меряются размерами своих мужественности и ЧСВ.

К столику подошла официантка, и Эрик наконец смог заказать себе свой мокко. Когда кофе принесли, парни принялись обсуждать работу, состояние проектов и у кого в целом интереснее жизнь. Кроме как о работе, говорить им, в сущности, было не о чем: оба были холостые, без детей, не много знали друг о друге да и не хотели узнавать больше. Плюс ко всему внутренне были разные, и мало на чем пересекались их интересы. Допив кофе, Эрик понял, что в этой компании опустошать вторую кружку ему вряд ли захочется. Он подозвал официантку и попросил счет.

– Уже уходишь? – поинтересовался Эмиль, не отрывая глаз от телефона.

– Да, ты знаешь, я вообще же домой шел, на улице мерзко, замерз вот и решил зайти сюда, интересным показалось место.

– А я, кстати, тоже пойду, – сказал Эмиль, вставая со стула. На дне его чашки осталось немного недопитого кофе.

«Отлично, – подумал Эрик, – теперь еще и предстоит с ним по улице идти, слушать весь этот бред». Он взял пальто с вешалки у столика, надел, повязал шарф и выглянул в окно.

За окном на улице была чернильная тьма. Не видно было буквально ничего. «Очень странно, – подумал Эрик, – в это время осенью еще не должно так рано темнеть, ведь, когда я зашёл сюда, можно сказать, ещё и сумерек-то толком не было...» Он оглядел заведение в поисках часов – узнать, сколько времени провел в кафе, однако ни одних часов почему-то не обнаружил. «Хм, ну, возможно, это место для счастливых, которые, как известно, часов не наблюдают», – усмехнулся себе Эрик. Он достал свой телефон, нажал на боковую кнопку разблокировки экрана, но после нажатия тот продолжал оставаться антрацитово-чёрным. «Замечательно, еще и телефон сел. Но ничего, приду домой – заряджу», – подумал Эрик и направился к выходу, Эмиль пошёл следом за ним. Эрик открыл дверь, и парни вышли под раздражающе высокий аккомпанемент колокольчиков.

Улица все так же освещалась мутным светом фонарей, пробивающимся через густой туман. Туман этот, казалось, и не думал рассеиваться, и кожей ощущалась все та же противная морось в воздухе.

– Так, ну, мне налево, – сказал Эрик, готовясь протянуть для прощания руку и надеясь всё-таки продолжить путь в одиночку.

– А, так и мне туда же, – ответил Эмиль, и парни направились вверх по улице. В молчании.

Пройдя пару кварталов, Эрик почувствовал, что ему сейчас, вот именно в этот самый момент больше всего на свете необходимо отлить.

– Срать хочу, так что буквально переночевать негде, – высказал свои мысли Эрик.

– Оригинально выражаешься! Это откуда? Из 2007-го фразочка? Да ладно, расслабься! Мне тоже надо.

Следующий квартал они шли, то и дело косясь налево в поисках темной подворотни, где могли бы спокойно свершить свои мокрые дела. Хоть на улице была почти нулевая видимость, но редкие прохожие то и дело встречались по пути, поэтому облегчаться прямо на тротуаре ни в коем случае не представлялось хоть минимально возможным вариантом. Однако судьба, видимо, посчитала нужным сжалиться над ними, и через несколько метров из тумана обозначился проем темной подворотни, ведущей куда-то вглубь квартала. Парни поспешили свернуть туда. Через несколько шагов улицу за их спинами надежно скрыли туман и темнота. Пройдя еще с десятков метров, они увидели большой мусорный бак рядом с каким-то чахлым увядающим деревцем. Решив, что удачней места найти уже невозможно, да и незачем, они встали лицом к кирпичной стене и принялись справлять свои малые нужды.

Эрик с невыразимым удовольствием окрашивал кирпичи стены в более темный оттенок и тут увидел, что Эмиль скосил свою струю так, что брызги от нее, рикошета от стены, очень щедро стали осыпаться его брюки.

– Очнись, придурок, смотри куда ссышь! – не оценив очередную дурацкую шутку коллеги, яростно заметил Эрик.

– Эй, смотри, еще не то могу! – весело ответил Эмиль, скосив струю еще больше в сторону и направив ее вниз, теперь уже по-настоящему зассывая туфлю Эрика. Многие капли так же щедро осыпали Эрику брюки.

– Ты что делаешь, дебил??! – проорал Эрик, пытаясь убраться ногой в сторону, но как-то неловко перенес вес тела и уже из своего шланга щедро облил себе вторую брючину и туфлю.

Выйдя из себя, рассвирепев, уже заканчивая мочиться и стряхивая конец, Эрик громко сказал:

– Блядь, смотри, что ты наделал!

– Да ничего страшного, – весело отозвался Эмиль, – на улице сыро и темно, никто и не заметит, как ты себе ноги зассал! Аха-ха-ха-ха, – застегивая ширинку, потешался над коллегой Эмиль

– Это же ты мне их зассал, сука! Чурка тупоголовая, – еще больше свирепея, проорал Эрик.

– Эй, я говорил тебе, что будет, если еще раз так меня назовешь? – спросил Эмиль, и в его голосе вся веселость, бывшая там секунду назад, мгновенно сменилась свинцовой тяжестью.

– Да мне похуй, скотина тупая, очень даже интересно, что ты сделаешь, – охваченный яростью, буквально сжигаемый ею, продолжал Эрик.

Эмиль плюнул ему в лицо. Попал в ложбинку между носом и щекой, сделал полшага вперед и открытой рукой уже хотел вlepить пощечину, попутно открывая рот, чтобы что-то сказать, но боксёрские рефлексy Эрика не подвели, и он, мгновенно выбросив вперед правую руку, остановил прущего вперед кавказца ударом в нос. Эрик не готовил этот удар, сильно не вкладывался, но тем не менее услышал хлюпающий хруст ломающихся носовых хрящей. Обычно сломанный нос охладил бы боевой пыл подавляющего количества людей, но Эмиль Ахвердиев был явно не из их числа. Лишь несколько секунд хватило ему на то, чтобы прийти в себя. Он отошел на пару шагов, тряхнул головой, почувствовал, что нос сломан, поморщился от боли, поднял глаза и со злым, полным ненависти прищуром посмотрел на Эрика.

– Ну, пиздец тебе, козел, – сказал Эмиль, поднимая руки в боевой стойке.

Эрик же, расслабившись, ждал атаки. Привычный в таких ситуациях водоворот адреналина обострил его восприятие и гулом в голове концентрировал внимание на настоящем моменте. Эмиль пошел в атаку, широким хуком пытаясь достать челюсть Эрика. Тот с легкостью нырнул под руку. Эмиль после этого рывка оказался спиной к мусорному контейнеру между ним и деревом, растущим справа. Эрик же решил закончить драку как можно быстрее. Первый удар его левой врезался оппоненту в правое подреберье, и Эмиль согнулся от резкой боли, огненной плетью хлестнувшей по печени. Сразу после Эрик завершил атаку мощным ударом, впечатывая кулак в скулу Эмиля и вкладываясь всем своим весом.

Когда Эрик обрушивал свою правую на голову противника, в пылу драки он слишком поздно обратил внимание на то, что между углом мусорного контейнера и виском Эмиля был лишь небольшой промежуток. После этого чудовищного попадания Эмиль налетел на угол металлического контейнера как раз-таки своим виском.

Эрик видел, как после контакта с контейнером шея Эмиля приняла не самый естественный изгиб, ноги кавказца больше не держали его, и он без сознания сполз на мокрую грязную землю. Голова темпераментного коллеги Эрика наклонилась налево, и правый поврежденный висок показался – весь в густой темно-бордовой крови.

Паника пронзила голову шокированного Эрика: «Твою мать! Что я наделал?!» – холодея всем телом до кончиков пальцев, подумал он. Несколько бесконечно долгих секунд, возможно, несколько минут он стоял, глядя на лишившегося сознания коллегу, из виска которого вытекала кровь, образовав уже небольшую лужицу под головой. Эрик пытался собраться с мыслями, которые тонули в бушующем море страха, смятения и хаоса в его голове.

«Так, так... Черт, да соберись ты!» – пытаясь взять в руки себя и свои мысли, внутренне кричал Эрик. Он упал на колени рядом с телом коллеги, не думая о грязи и сырости, наклонил ухо к лицу Эмиля, вслушиваясь в дыхание. Кавказец дышал. Неровно, редко, но определенно дышал. Никакого ветра, который мешал бы это понять, в глухой подворотне не было.

Поначалу то, что Эмиль жив, успокоило Эрика, и он, собравшись с мыслями, смог-таки осмысленно взглянуть на ситуацию. «Хорошо, – думал он, – этот хренов задира жив, но!.. Во-первых, кто знает, не откинется ли он в ближайшие 30 минут... Звонить в скорую! Они спросят, что здесь случилось, по виду у товарища тяжкие телесные, и угадайте, кто ему их нанес... Черт! Потом что? Менты, разбирательство, следователи, что еще скажет этот ублюдок... Такими темпами можно и присесть известно куда неизвестно насколько».

Обдумывая все это, взгляд Эрика случайно упал на обрезок черной железной трубы, лежащей возле корней чахлого дерева.

«А что если... – Эрик резко и сильно потер лицо ладонью, заставляя голову соображать. – Никого ведь нет рядом, черт знает, сколько сейчас времени, но здесь никто не видел нас и не слышал. Да и за каким хреном людям в принципе выходить на улицу в такую погоду, тем более шариться по темным подворотням? Я ведь могу закончить все здесь и сейчас, – думал Эрик, поглядывая на черную трубу. – Эта скотина сама напросилась, да и, судя по всему, он уже не жилец в сложившихся условиях, а вот скорая, может, и поможет ему не сдохнуть... А-а-а! Я не могу стоять здесь и колебаться всю ночь!»

Темное зерно, посаженное еще давно в Иркутске во время начала их напряженных рабочих отношений, дало наконец всходы в душе Эрика. Он чувствовал, что сейчас может избавиться от незаслуженных страданий много добрых и ни в чем не повинных людей. Людей, которые ни в чем не были виноваты перед этим агрессивным животным с человеческим именем, паразитирующим на эмоциях, страхе и чувстве превосходства над другими. Определенно, много людей, слабее, чем Эрик, будут встречены, и души их будут выпотрошены этим психотеррористом в течение его жизни. Сидя на корточках в мокрой грязи подворотни, Эрик думал, что может здесь и сейчас не допустить этого. Возможно, сама судьба выбрала его орудием избавления от паразита, предоставив сейчас этот шанс.

Так Эрик думал, в своей голове пытаясь оправдать то чудовищное, на что, по сути, уже решился. Наш герой еще раз вспомнил один из своих любимых фильмов – «Матрицу», точнее, одну цитату из него. И в который уже раз поразился, как же точно она вписывается и согласуется с нашей жизнью. «Выбор сделан, тебе остается лишь его осознать». И еще одну оттуда же: «У тебя есть альтернатива, но нет выбора».

«Как точно, – подумал Эрик, – ведь я никогда не понимал, зачем на свете существуют такие подонки, как вот этот, лежащий сейчас на земле. Неужели для того лишь, чтобы на контрасте своим поведением показывать, что действительно зло существует на свете, и без этого контраста люди бы не понимали и не ценили так называемое добро? Что если бы все было доброе, справедливое, правильное и адекватное, то ничего из вышеперечисленного на самом деле бы не было, потому что не с чем было бы сравнить и ощутить разницу? Или же меня просто до печенок уже заебал этот подонок и все гораздо проще? Ай, какая разница, очевидно лишь то, что, оставив его в живых, в будущем проблем я не оберусь, поэтому...»

С этими мыслями Эрик встал, сделал шаг в сторону трубы, нагнулся и подобрал ее. Металл был весь в мелких капельках от сырости. И тут паника, еще несколько минут назад оккупировавшая сознание Эрика, сменилась холодной звенящей ясностью у него в голове. «У меня же есть перчатки, – подумал молодой человек и тут же надел и их. – Еще кое-что перед делом», – он нагнулся к телу, подающему малочисленные признаки жизни, нашел и вытащил из куртки бумажник, в котором отыскались права. Паспорта при Эмиле на ощупь не нашлось. Далее из кармана его джинсов Эрик вытащил телефон. «А интересно, который все-таки час? – подумал наш герой и нажал на кнопку разблокировки экрана. Последний остался черен и безответен. – У него тоже, что ли, сел? – удивился Эрик. – Вот ведь, сидел, пялился в него в кафе, что за чушь? Ну, видимо, время мне узнать сегодня не судьба».

Перехватив поудобнее трубу, Эрик подошел к распластанному на земле телу и встал над головой.

Он обрушил один тяжелый удар на висок Эмиля. На стену полетели брызги крови. «Нет, так сильно марко, – подумал новоявленный убийца. Он закатал брюки чуть ли не до трусов. – Так на них не будет следов крови, – подумал Эрик, – а туфли потом оботру влажными салфетками, с кожи сотрется легко. Какая полезная все-таки привычка – всегда носить влажные салфетки с собой».

После всех приготовлений он встал ногой на щеку Эмиля, так что его кровоточащий висок смотрел строго вверх, взял трубу обеими руками в перчатках и начал вбивать ее торцом в голову бывшего коллеги. После нескольких ударов он почувствовал, как раскололся череп.

«Этого мало, – входя во вкус кровавой ярости, подумал Эрик, – нам же не надо, чтоб его кто-то опознал». С этими мыслями он повернул голову жертвы лицом вверх и принялся раскалывать торцом трубы лицо. Брызги крови, костей, а может, и мозга – в темноте разобрать было сложно, – щедро разбрызгивались по голым ногам Эрика. Закончив с лицом врага, превратив его в темно-алое месиво из расквашенной плоти, Эрик решил поработать и над руками Эмиля. Точнее говоря, над его кистями. Еще точнее – над пальцами, чтобы никто не смог опознать его по отпечаткам. Убийцей Эрик был, ясное дело, неопытным, но счел, что данная предосторожность будет нелишней.

Наступив ногой на запястье, он начал торцом трубы разбивать кисти рук, метя в кончики пальцев, лишая те уникальности. Через некоторое время, практически уничтожив кисти рук своей жертвы, удовлетворенный работой, он наконец отошел от тела на шаг, чтобы окинуть свое творение общим взглядом. Таким, например, художник оценивает получившуюся картину.

Ощувив, что устал и вымахался, оглядывая получившееся творение, Эрик решил, что, в общем-то, достаточно.

Теперь, кстати, неплохо было бы вообще от него избавиться, пусть гниет где-нибудь, лучше всего, конечно же, под землей. С этими мыслями он пошел осматриваться в поисках какого-нибудь подвала или канализационного люка.

Эрик перешел на другую сторону подворотни к противоположной стене. Пройдя около десятка метров, он наткнулся на лестницу, ведущую вниз.

«Отлично! – подумал новоявленный убийца. – А вот и подвал». Он спустился вниз по лестнице. На ржавой, буро-зеленого цвета двери висел хлипкий на вид амбарный замок. Эрик быстро взлетел обратно вверх, вспомнил, что как дурачок бегаёт в закатанных по бедра брюках, и поспешил привести их в обычное состояние. Раскатав одну брючину, подумал, что ведь ему же еще тащить тело в подвал! Выругавшись про себя по поводу своей тупости, закатал брючину обратно, вернулся к месту убийства и взял ту самую черную трубу. «Дебил, чуть не забыл избавиться от орудия убийства!» – что на основании прочитанных Эриком детективов было чуть ли не первостепенным делом. Снова спустился к двери, ведущей в подвал, двумя ударами сбил замок и открыл дверь. Войдя, Эрик ощутил затхлый запах и сырость. Приставив трубу возле двери, он вернулся к телу Эмиля и как можно быстрее потащил его к подвальной лестнице через подворотню, после чего бесцеремонно спихнул ногой вниз. Тело, кубарем слетев с лестницы, метко вкатилось в открытую дверь. Спустившись следом, Эрик, взяв трубу в одну руку, зашел в подвал, закрыл дверь и впотьмах на ощупь пошел на разведку. Каково было его удивление, когда за первым же недалеким поворотом он обнаружил ряд фонарей по правой стене уходящего вдаль коридора. Тусклым светом, льющимся из-за толстых плафонов, те рассеивали тьму подвала. Наличие здесь фонарей можно было рассматривать как невероятную удачу, так как оба телефона парней были безнадежно севшими и освещать ими путь было невозможно. Не веря своему везению, Эрик бегом вернулся к телу Эмиля, в неестественной позе лежавшему у двери. С трубой в одной руке и новыми силами в своем теле Эрик поволок мертвого коллегу вглубь подвала.

Новоявленный убийца упрямо тащил свою ношу, изредка позвякивая трубой о бетонный пол. Фонари справа мерно сменяли друг друга, прикрепленные к стене через равные промежутки. Светили они очень ровно и, как показалось Эрику, на удивление стабильно. На всем протяжении пути ни один из них даже не моргнул – свет был как будто бы и не электрический, а словно нарисованный. Эрик обратил на это внимание и нашел данный факт странным, ведь в таких местах тяжело добиться настолько стабильного освещения. Во-первых, это место даже на первый взгляд было очень старым. Во-вторых, бесперебойного напряжения для поддержания такого ровного света под землей добиться очень тяжело. Все плафоны были как будто клонированы один с другого: одинаково мутные, и все в равной мере пропускали одинаковое коли-

чество света. По крайней мере, для человеческого глаза они выглядели как близнецы. Более того, ни одного нерабочего или же разбитого фонаря также не наблюдалось, что для подвалов небольших российских городов было не просто редкостью, а самой настоящей фантастикой. Любой, кто был ребенком 90-х и ранних 2000-х годов, когда дети еще гуляли на улице, вам это подтвердит. Вообще наличие фонарей, а еще и работающих, в подвале было само по себе великой редкостью.

Эрик все продолжал упрямо тащить мертвое тело вперед. Мысли о природе освещения этого странного подземелья на какое-то время отвлекли его от монотонного труда, но скоро ему стало казаться, будто коридор специально растягивает и продлевает в сумрачную даль какая-то неведомая сила. Бесконечный туннель, казалось, и не думал заканчиваться, а Эрик начал уставать и скучать. Тяжелое липкое дыхание приближающейся тревоги стало доноситься до его души. Глядел он теперь в основном себе под ноги, так как монотонность убранства подвала действовала на нестабильное сознание Эрика, взбудораженное убийством, гипнотически и истощало силы. Происходило так в первую очередь потому, что непонятно было, когда же закончится этот бесконечный коридор и, соответственно, сколько еще ему тащить плод своего труда.

Внезапно, как только Эрик задумался обо всем этом, точно по волшебству, подняв голову, он увидел т-образный перекресток. После всего, что произошло в этот вечер, молодой человек уже перестал удивляться каким бы то ни было странностям и сейчас думал только о том, как бы быстрее завершить дело и спокойно, без неожиданностей добраться уже до дома. Подойдя ближе, Эрик увидел, что находится в довольно широком туннеле, на дне которого текла вода, источающая мерзкий запах нечистот. Ширина канала была добрых метра три. Эрик отпустил брэнное тело своей жертвы и выпрямил наконец спину, которая в неестественном полусогнутом положении проделала весь этот долгий путь по коридору. Взяв трубу обеими руками над головой, он с удовольствием потянулся до хруста в спине.

«Канализация, что ли, какая, судя по запаху?» – подумал он.

Поглядев направо и налево, он увидел, что канал простирается в оба направления, утопая в темноте. В отличие от коридора, освещен он не был. Вдоль канала можно было идти по тонкой бетонной полоске, но вот тащить тело по ней не представлялось возможным.

«Ну вот, по ходу, и конец нашего с тобой последнего путешествия, – сказал вслух Эрик. – Говну место в говне. Прощай, подонок». Он взял трубу, которая была около 1,5 м длиной, и проверил ею глубину канала. Труба погрузилась полностью, дна не было. «Как раз хватит для тебя», – сказал Эрик и спихнул тело Эмиля ногой в канал в надежде на то, что, когда тот всплывет, достаточно сильное течение унесет его как можно дальше.

Эрик что есть сил бросил орудие убийства в воду в сторону, противоположную той, куда он спихнул труп. Вернув брюки в нормальное положение, он протер туфли влажными салфетками. Затем закатал перчатки в узелок с салфетками внутри, вывернув те на левую сторону подобно носкам. Положил этот сверток в карман пальто, намереваясь, возможно, сжечь его после. Выполнив все это, Эрик еще раз быстро и внимательно прокрутил в голове все моменты, о которых он мог забыть. Не найдя, к чему тут еще можно придраться, он направился по освещенному коридору обратно к выходу из подвала.

Глава 4

Эрик очнулся в шоке и панике после событий прошлой ночи. Он долго лежал, не понимая, где находится, проснулся или еще спит. Уставившись в стену, он долго не мог понять, какого цвета она или обои на ней. Осознание чего-то гнетущего тяготило его душу. Он испытывал чувство, знакомое каждому из нас: чувство непонятной, неопишуемой и невысказанной тревоги, сродни приближающейся панической атаке. В такие моменты человек не понимает причину своего волнения, не осознает ее, но все же знает, что эта причина есть. И от этой неопределенности, мучающих догадок и недосказанности паника только усиливается.

Эрик пролежал в прострации минут 5, или 15, или, возможно, целый час. Наконец внезапно, подобно реву иерихонских труб, сознание Эрика оглушило пришедшее воспоминание о том, что случилось прошлой ночью.

«О боже! – подумал он. – Это нереально, это просто не может быть реальным!» – Эрик оцепенел от сковавшего его ужаса.

Он просто лежал в своей кровати, не чувствуя тела, пребывая лишь в своем уме, своем сознании. Вновь и вновь Эрик прокручивал в голове события вчерашней ночи и то, как зверски он убил своего коллегу. После воссоздания всей цепочки событий в голове, после того как вспомнились все мельчайшие подробности, он откинул одеяло, сел на край кровати и трясущимися ладонями сжал лицо, до крови впиваясь ногтями в то место на лбу, откуда начинают расти волосы. Резкое покалывание от царапин немного отрезвило его. Он вспомнил, что если даже и совершил убийство, то сделал это хладнокровно и пребывал далеко не в состоянии аффекта. Он осознавал, что делает и для чего, и довольно неплохо замел следы.

Поразмыслив в таком ключе и кое-как приведя мысли во что-то наподобие порядка, молодой человек встал и пошел на кухню. За окном падал снег, ложась на уже белую землю и детский городок внутреннего двора дома. Снег лежал ровным прикатанным слоем и на дорогах, сообщая всем видом, что ранняя сибирская зима уже прочно вошла в свои права. И хоть на календаре числа принадлежали еще осенним месяцам, зима уже полновластно хозяйничала в Сибири.

Эрик пару минут наблюдал зимний пейзаж за окном. Это время года было ему всегда по душе. Холода он не боялся, а зиму ценил и уважал в первую очередь за чистоту и, как ему казалось, порядок, который она приносит в мир своим суровым спокойствием.

«Странно», – подумал Эрик, насыпая в кофемашину целые зерна из пачки 100 % арабики пятой из пяти степени крепости. Единственной из плохих привычек Эрика, если вообще ее можно так назвать, было пристрастие к кофеину. А еще он совсем немного иногда покуривал.

«Вчера вечером, когда я прогуливался по городу и зашел в это кафе, погода была как... ну, максимум середина октября. А теперь? Где, черт возьми, мой телефон, какой сейчас день-то?» И под аккомпанемент перемалывания зерен в машине Эрик отправился на поиски телефона.

Последним, что он помнил об ужасных событиях минувшей ночи, было то, как выходил из подвала. Или канализации... Или черт знает чего, весьма странного сооружения.

«И откуда там все эти фонари? – спрашивал себя Эрик. – Еще и работающие...» Это было далеко не единственной странностью, о которой думал сейчас молодой человек, попивая черничный напиток из маленькой белой кружки, сидя в одних трусах на кухне. Он нашел свой телефон и узнал, что сегодня было 18 ноября и –5 градусов за окном. Кроме того, Эрик вспоминал, что вчера никак не мог узнать время и дату ни на одном из телефонов и ни в одном месте, где был... Вчера его телефон сел, он помнил это отчетливо. Сейчас же индикатор заряда батареи показывал 76 %. Где был... Был вчера... Был ВО СНЕ?! Эта спасительная, несущая несравненное, божественное облегчение мысль почти сразу посетила Эрика, как только он начал ана-

лизировать пережитое вчера. Мысли и воспоминания быстрым роем пронесли в голове. И каждое из них, пролетая, наполняло его оптимизмом и надеждой, что ничего из пережитого в действительности и не случилось. Вселяло надежду, что его гребанный задиристый коллега жив и с ним все в порядке. Подобно солнцу, лучами разрывающему свинец темных туч, оптимизм осветил сознание Эрика. Нет на нем никакого тяжкого греха, и это был всего лишь сон, иначе говоря, игра подсознания! Однако, если это и был сон, то какой-то пугающе реальный и яркий. Это был такой сон, в котором ты даже чувствуешь усталость и, Эрик мог поклясться, любые изменения в своем организме, такие как пот, царапины, боль в спине, морось от тумана на коже...

«Так, так!.. – второпях думал Эрик. – Подумаем обо всем этом после, сперва надо узнать, как там этот кавказский гангстер, и убедиться, что с ним и в самом деле все в порядке».

Эрик допил кофе, поставил чашку на стол, взял телефон и набрал номер Кропоткина. После буквально пары гудков привычный голос ответил ему:

– О! Кого я слышу, Эрик Робертович! Ну, наконец-то, хоть вспомнили о старике!

– Здравствуйте, Петр Семенович, – торопливо ответил Эрик, пропуская все, казалось бы, положенные формальности и разговоры о погоде. – А как там наш Эмиль? Вы же, насколько я знаю, так и работаете вместе в Иркутске?

– Совершенно верно, дорогой. А к чему такая спешка с самого утра? Чего это тебе не спится? Ты ведь в отпуске, насколько я знаю? Да и с чего такая резкая озабоченность Эмилем? Вы ведь, так скажем, не самые лучшие друзья, или я чего-то пропустил?

– Да-да, все правильно, Петр Семенович... Просто скажите: Эмиль в порядке, на работе появляется?

– Да этого-то лося нерусского, прости господи, – сказал Кропоткин и усмехнулся, – 102-м ТБТ не перешибешь, сам же знаешь, Эрик. В полном порядке все с ним, вот 10 мин назад вышел из моего кабинета после селектора в абсолютном здравии и полном энергии, как всегда. Ну, ты его знаешь. А что случилось-то? – Петр Семенович, конечно же, уловил озабоченность и тревогу в голосе бывшего подчиненного.

– Дорогой Петр Семенович, – отвечал Эрик, чувствуя, что с его души сейчас свалился настолько тяжелый груз, что, подпрыгнув, он – самое меньшее – может пробить потолок. А самое большее – вообще стать бесплотной феей и раствориться в эфире, – после ваших слов все стало просто чудесно, спасибо Вам огромное! Никогда так не радовался за засранца! Как дела-то? Сто лет не общались, – на эмоциональном цунами продолжал Эрик, забыв о всякой субординации.

– Ну, это можешь и сам ему пожелать, вы же вроде нормально ладите, насколько я знаю, в последнее время.

– Да! Ладим! Все просто супер! Вот я и решил позвонить всем вам там, спросить заодно, как ваше ничего, – ответил Эрик, не собираясь, естественно, посвящать Кропоткина в подробности странного сна.

– Ты-то там как, дорогой? Насколько я слышал, в Томске у тебя все просто отлично?

– Ой, да, все исключительно Вашими молитвами, Петр Семенович, все путем, спасибо!

– Ну, рад слышать, Эрик, рад слышать. Ладно, работать пора, будь здоров.

– И вам всего доброго, – закончил разговор Эрик и нажал на красную трубку на экране смартфона.

«Боже, ну и утречко!» – с невероятным облегчением подумал Эрик, запуская новый цикл приготовления на кофемашине, намереваясь испытать еще одну чашечку, только с диаметрально противоположным состоянием духа, и еще раз обдумать ночной опыт, только теперь уже спокойно и на трезвую голову.

***

Эрик Линдгаард – эта фамилия, кстати, досталась ему от норвежского деда – всегда любил читать. Одно время, будучи лет на 7 моложе, его серьезно интересовала тема эзотерики и все, что с ней связано. Он прочитал и Кастанеду, и Александра Свияша, и Вадима Зеланда, и много кого еще. Все эти авторы большое внимание уделяли как раз-таки снам человека, тем процессам, которые происходят во сне, его механизмам и тому, как этими процессами управлять. Благодаря этому профаном в области сновидений Эрик себя не считал и начал анализировать то, что видел и пережил прошлой ночью.

Вышеперечисленные авторы почти во всех своих работах, посвящённых феномену снов человека, особое внимание уделяли так называемым осознанным сновидениям. Многим людям, в чем Эрик был уверен, как и ему самому, хотя бы раз в жизни удавалось сделать свое сновидение осознанным. Достигалось это и просто, и сложно одновременно. Суть явления заключалась в том, что видящий сон понимает, что он, собственно говоря, сейчас во сне и что реальность вокруг – не его реальность, а можно сказать, и не реальность вовсе. Хотя тут сразу встает большой вопрос, на который получить однозначный ответ почти невозможно: а что с уверенностью можно назвать реальностью? Многие авторы всерьез говорили в своих работах, что сны – это не что иное, как способность попасть и ощутить себя в другой реальности, точнее, в другом мире. Нет никаких других реальностей, а есть только одна. Одна большая сплошная реальность, в которой просто бывает много разных вариантов. И вот как раз эти самые варианты одной и той же реальности ошибочно трактуются людьми как реальное и нереальное. Почему-то они думают, что реальным является исключительно их вариант. Эрику всегда казалось, что думать так и тем более быть в этом на сто процентов уверенным есть большое заблуждение, основанное на невежественном высокомерии. В этом его взгляды совпадали с версиями гуру отечественной эзотерики. А еще эти самые гуру считали, что сон – это никакие не игры твоего разума, вызванные информацией, отложившейся и накопленной в неконтролируемом человеком подсознании, а непосредственно путешествие твоей души в другие смежные миры. Ну, или же в варианты реальности, другими словами. В подтверждение своим выводам авторы приводили верования древних народов, старейшие религии, такие как индуизм и буддизм, и, например, свидетельства некоторых умелых сновидцев, сумевших довести мастерство осознавать себя во сне до невиданных для обычного человека высот.

Эрику, например, частенько удавалось сделать свой сон осознанным. И согласно урокам небезызвестного Вадима Зеланда в таких снах он мог одним намерением своего сознания менять окружающую обстановку по своему желанию. Одним из главных отличий сна от реальности для Эрика как раз и была легкость в изменении мира вокруг. Все-таки он решил для себя пользоваться такими понятиями, как «сон» и «реальность», – разграничивать их. Эрик так и не мог поверить в полной мере в то, что мир во сне – это другая равноценная реальность, в которой в данный момент пребывает твоя душа. Так вот, в отличие от реального мира, в котором ты, собственно, и живешь со своей душой и сознанием, в мире осознанного сна ты можешь творить буквально магию одной силой мысли, или, если угодно, своим намерением. Возможно, это потому что во сне отсутствует всякая инертность, присущая любой физической материальной системе. В трудах Зеланда умение менять сон своим намерением было одним из важнейших навыков, которым его адепт должен был обязательно овладеть. Нужно это было для того, чтобы понять, как вообще все в мире устроено на самом деле и как поставить весь этот мир себе на службу – сделать так, чтобы тот помогал тебе осуществлять свои желания. Таким образом, через осознанные сновидения Зеланд хотел показать, как намерением можно менять окружающий тебя материальный мир, ту самую реальность, в которой все мы живем. Одно лишь отличие было между реальностью и сном. Реальность инертна. И это значило, что ее изменения от воздействия твоих мыслей и намерений произойдут, но не так мгновенно, как во сне. И для изменения своей реальности тебе придется задействовать больше времени и ментальных сил, пока эта самая инертная реальность под воздействием работы твоих мыслей,

визуализации желаемого и, конечно же, физических усилий не начнет изменяться в нужную тебе сторону.

«Ок. Но для того чтобы я осознал, что вчерашний мой сон – это именно сон, – думал Эрик, – либо надо было больше практиковать осознанность, либо сам сон должен был быть *не настолько* реален».

«Однако, видимо, подсознательно, конечно, но я пытался осознать, что это сон, – думал Эрик далее, – я ведь постоянно искал часы, ведь во сне невозможно узнать, который час. Не знаю, у всех ли так, но вот у меня никогда не получалось».

Именно так. Эрик, порой вспоминая свои интересные сны, выделил этот закон: он никогда не знал с уверенностью, который был час. Когда же он делился этим наблюдением с родными и близкими друзьями, те также с удивлением отмечали эту интересную особенность: во сне ты никогда не знаешь, сколько сейчас времени, поэтому невозможно выстроить там какую бы то ни было точную хронологию событий.

«Блин, – размышлял Эрик дальше, – вообще ведь все вокруг тогда было очень странным с самого начала: этот аномально густой туман, например. Никогда за два года жизни в Томске я такого не видел. Само это кафе, которого я тоже никогда не видел в маленьком томском центре города. Как необычно прозвучали колокольчики над входной дверью, как быстро стемнело, какого хрена там вообще делал Эмиль?.. Но это ладно, мало ли, что-то срочное по работе. Да и вообще почти все было каким-то сюрреалистичным, что ли. С чего вообще, например, он начал ссать мне на ботинки, хотя в реале, я уверен, никогда бы на это не отважился, да и отношения наши сейчас вполне ничего себе. У нас с ним, я уверен, лучше бы и не получилось. Да и как я даже в мыслях, не то что в натуре, вообще пошел на УБИЙСТВО?! Немыслимо!»

За этими размышлениями давно подошла к концу и вторая чашка кофе. А Эрик еще долго сидел так, в одних трусах, держа маленькую белую чашку двумя пальцами, поглощенный своими мыслями.

Глава 5

Девушка, о которой повествование пойдёт дальше, находилась в том возрасте, когда называть ее полным именем было немного неуместно, необязательно и, пожалуй, чересчур официально. Коротким же, уменьшительным вариантом, пожалуй, уже несерьезно и неподходяще. Она находилась в том самом возрасте, когда обращение к человеку зависит не от этого конкретного человека в первую очередь, а от той ситуации, в которой он, а в нашем случае она, оказался. Девушку звали Аня. Или Анна.

Проснулась Аня в своей кровати солнечным утром выходного дня в состоянии крайней тревоги. Испуг, отвращение и даже шок – не самая приятная гамма чувств, особенно для того, чтобы начать день.

Поначалу она даже не поняла, что проснулась и что на дворе чудесное солнечное утро. Ее внутреннее состояние и сознание были в высшей степени взбудоражены только что увиденным. Взбудоражены настолько, что ее спальня, выполненная в освежающем и чистом белом цвете, буквально ослепила девушку, как только та открыла глаза. Настолько сильным был контраст с чернотой и мерзостью увиденного ею сна. И поэтому сейчас интерьер ее спальни казался нестерпимо ярким и слепящим.

Дело было в том, что девушка только что стала, пусть и не по-настоящему, но свидетельницей настоящего жестокого убийства, которое было увидено и пережито ею во всех подробностях. Обычно про сны не говорят «пережитые», но в этот раз данное определение подходило точнее всего. Анна готова была поклясться, что ощущала всем сердцем, душой и мыслями всё то, что чувствовал убийца, когда совершал свое злодеяние. Девушка в полной мере чувствовала все его мотивы и внутреннюю борьбу. Она ощутила всю гамму его чувств перед первым шагом той роковой цепочки действий, когда один поступок человека влечет за собой другой, а затем следующий, и те, подобно снежному кому, с каждым мигмом набирают скорость и вес, готовые обрушить свою силу и мощь и подмять под себя все, что подвернется на пути.

Подобные сны, а тем более настолько подробные, были для Ани большой редкостью. Вообще кошмары снились ей нечасто, как и многим другим в меру впечатлительным девушкам: обычно после просмотра ужасов, особенно в одиночку. Анна иногда любила пощекотать себе нервы подобным образом. Смотреть ужастики и триллеры она любила сама и в одиночестве. Во-первых, потому что смотреть их ей было особенно-то и не с кем, а во-вторых, потому что они давали хоть какую-то эмоциональную встряску. Здесь, в Финляндии, эмоций как раз и не доставало Анне, и чтобы хоть изредка что-то почувствовать, она, преодолевая страх и отвращение, заставляла себя смотреть эти фильмы. Не могут девушки жить без эмоций. Ну что тут поделать!

Переживания, вызываемые ужастиками, ощущались ею во всей остроте. Но ни одна экранная история даже близко не могла сравниться с сегодняшним сном. Когда ты смотришь даже самый страшный фильм ужасов, твое сознание все же отдает себе отчет в том, что происходящее на экране – всего лишь картинка, придуманная режиссером. Действие там происходит не в твоей реальности и не с тобой – это вымысел. Осознание этого всегда помогает любителям острых ощущений играючи справляться с увиденным. Вот и Анна точно так же, когда ей становилось уж совсем страшно от ужасов, всегда напоминала себе о нереальности происходящего.

Сны же совсем другое дело. Здесь, как правило, видящий не осознает, что происходящее вокруг нереально. Для него сон – это почти всегда самая настоящая реальность со своими законами, мирами и переживаниями. Аня, как и большинство людей, чаще всего свои сны воспринимала как самую настоящую симуляцию реальности, где ты до последнего момента веришь в натуральность происходящих событий.

Однако слышала она и о так называемых осознанных сновидениях, когда видящий сон осознает, что спит, и тогда, подобно великому магу, может изменять мир своего сна одной лишь силой своего намерения. Этот феномен даже случался с ней несколько раз в жизни. При должной тренировке, считается, человек может всегда осознавать, что находится во сне, и использовать это в своих целях. Анна, однако, была не из числа таких людей, подобными практиками не занималась, смысла в них особо не видела да и не верила так уж сильно во всякого рода эзотерику.

Но сейчас, лежа в своей постели и вспоминая ужасный сон, который только что пережила, она отметила наиболее странный, на ее взгляд, момент. Героиней сна была не она. Совсем даже близко не она и не кто-то из ее знакомых. Людей во сне она вообще не знала. Их было двое. Молодые мужчины, можно сказать, ровесники. Нет. Она каким-то образом знала, что они ровесники. И в этом сне один из мужчин зверски убил другого в каком-то темном переулке. Но вот что было, пожалуй, даже более шокирующим, уникальным и непонятным – это то, что она как бы чувствовала все переживания, все мысли и всю душевную борьбу одного из мужчин – убийцы. Она как будто одновременно была и сторонним наблюдателем, и находилась в голове этого мужчины, полностью разделяя каждую его мысль, переживание и малейшее изменение в сознании. Их разумы в тот момент можно было описать феноменом квантовой пары из физики: когда существуют две связанные частицы, и при изменении свойств одной из них вторая мгновенно, без всякой минимально возможной задержки, казалось бы, необходимой для передачи между ними информации, получает точно такие же свойства.

Сейчас Анна обдумывала, почему же она не смогла осознать, что видит именно сон, ведь происходящее случилось совсем не с ней и она вроде бы как это понимала, особенно сейчас. Неужели во сне можно полностью поверить в то, что ты – это совершенно другой, может, и абсолютно незнакомый тебе человек, и воспринимать происходящее как свой личный опыт. Все-таки после увиденного сна, хоть тебе и кажется, что ты видел и помнишь его в мельчайших подробностях, иногда остается очень уж много вопросов без ответа. Здоровое и вышколенное повседневностью сознание взрослого человека чаще всего просто неспособно объяснить происходящее с ним в такие моменты с помощью известных ему законов реального мира. Поэтому Анна решила попусту не размышлять над явлениями, механизм которых объяснить не может. Недаром ведь сны являются одной из самых неизученных областей в науках о человеке.

Вывел ее из состояния глубокой задумчивости телефонный звонок. Мобильник лежал рядом на прикроватной тумбочке. Девушка перевернулась на бок, взяла телефон и посмотрела на экран – звонили по работе.

Анна Локин работала в финской компании, производящей различные изделия из нефтехимических полимеров: пластмассу, резину, прочие промышленные материалы и готовые товары, – в должности финансового консультанта по российским рынкам сбыта.

Неплохая должность в неплохом месте, а еще и в столь юном возрасте. Конечно, девушки не всегда становятся теми, кем становятся, благодаря лишь одним своим способностям, но это было точно не про Локин. Анна в свое время закончила школу с золотой медалью, позже – с красным дипломом петербургский финансовый университет. Уже на старших курсах она была замечена рекрутером той самой финской компании, где сейчас и трудилась. Финны совсем не против приехать в совсем недалекий для них город на Неве в поисках свежей крови, или свежего мяса. Тут уж кому как нравится. Красавицу Анну сразу заметили, а когда вскоре выяснилось, что она еще и умница, тут уж за предложениями работы дело не стало. На западе умеют ценить специалистов. Если же этот специалист – еще и молодая красивая девушка, то перед такой, как правило, точно от урагана распахиваются все двери.

Рекрутер изучил личное дело Анны, переговорил с ней и остался очень доволен знаниями предмета и общей эрудицией. Блестящий английский девушки, на котором она изъяснялась с финским гостем, довершил дело. Анна тогда настолько хорошо себя показала, что сразу после

окончания обучения ей был предложен контракт на работу в компании на год на должности простого работника финансового отдела. Спустя два года работы ее ждало, с одной стороны, заслуженное безупречной работой, а с другой стороны – выходом в декрет бывшей начальницы финансового отдела повышение. Таким образом молодая 24-летняя девушка возглавила отдел успешной международной компании. В ее еще почти по-детски нежных руках была сосредоточена большая часть финансовых потоков, которыми Анна с блеском и безошибочностью распоряжалась. Делала она это настолько успешно, что финансовый директор компании мог позволить себе, подобно ленивому киту, мигрировать из одной жаркой страны в другую, не утруждая себя непосредственными рабочими обязанностями.

Сама Анна к уже достигнутым ею успехам относилась более чем спокойно и даже не задумывалась о том, что могло быть как-то иначе. Она ведь давным-давно привыкла быть лучшей во всем и доводить любое дело до единственно возможного в ее случае идеального завершения.

Такие люди, как г-жа Локин, само собой, не являются широко распространенными в нашем обществе. Их не так-то много в современном мире, да и за всю историю много никогда не было. Люди в массовости своей вообще склонны идти самым простым и наименее энергозатратным для природы способом – путем наименьшего сопротивления.

Путь этот начинается, как правило, еще со школы. Личность человека, по мнению современных ученых, формируется очень рано – едва человек начинает себя помнить. Но именно в школе со сформировавшейся многими годами ранее личностью происходит, быть может, самое важное для нее событие – её социализация. Привычки и методы управлять своей жизнью закрепляются именно здесь. Именно здесь человек в нашем социуме, защищенном со всех сторон правами и государством, вооруженный мощнейшим медицинским щитом последних 100 лет, понимает, что для выживания и даже для более-менее сносной жизни нужно не так уж и много. Потребности выживать, напрягая все силы, как физические, так и умственные, давным-давно нет. Чувствовать себя своим в окружающей массе соплеменников – для этого нужно приложить не очень-то и много усилий. Сформировавшейся и социализированной личности не особо-то и нужно стараться и применять весь отпущенный ей природой потенциал. Зачастую плыть по течению становится достаточным, чтобы быть не хуже других, они ведь делают ровно то же самое. Вялотекущий дрейф в океане окружающей действительности неплохо обеспечивает тебя всем необходимым, всеми благами цивилизации. Не нужно воплощать в жизнь свой максимум, чтобы не умереть от тифа, коклюша, гепатита или какой-нибудь оспы. Пищу не нужно добывать, убивать, свежевать и даже выращивать, достаточно сходить в ближайший супермаркет в формате «у дома».

Шутка ли, но почти 25 лет своей жизни, если постараться, вообще можно провести на шее у родителей и полном пансионе государства! Даже долг родине отдавать не обязательно. Главным занятием на этот период будет всего лишь присутствие в душевных классах и аудиториях несколько часов в день. Да, придется выслушивать монотонный бубнеж лекторов о всяких странных вещах, скучать, залипать в телефон, бороться со сном. Невыносимые муки молодежи! Всем они хорошо знакомы, и все через них проходили. Иногда впуская в свое сознание то, что пытается донести до него неудачник-препод, молодой гений-ученик любит задавать свой острый, как пика, и разящий, как ему кажется, наповал вопрос: «Ну как это может пригодиться нам в жизни?!».

Позже, отпахав таким образом непосильные годы, индивид, член общества, как правило, устраивается на работу. И вот где начинается настоящее раздолье! Тут уже можно даже позволить себе самый навороченный телефон! А еще пусть даже и не такой навороченный, но зато вполне настоящий автомобиль. Да, все это в кредит, ну и что! Как будто он один такой, кто в кредит! Главное ведь, что здесь и сейчас. А ощущение, что ты ничуть не хуже других и вообще полноценный и успешный член общества, – на это никакого кредита не жалко! Да

что там говорить, если верить популярной рекламе, это бесценно, а для всего остального, как известно, существует MasterCard!

С другой стороны, пробить свой социальный слой и вырваться в более высокие сферы общества многим юным гражданам не представляется достижимым. Ведь там уже все поделено, все места для будущих успешных людей уже забронированы – этому учат своих детей родители такого же склада ума, приверженцы пути наименьшего сопротивления.

Однако из любого правила и любой статистики есть исключения. Таким исключением была и Аня. Известный факт: когда кто-то, подобно нашей героине, почему-то ведет себя и действует вопреки привычной для всех парадигме дрейфа по течению, он становится непонятным и непопулярным. И чем меньше различия между составными частями того или другого общества, тем сильнее на их фоне выделяются и обособляются целеустремленные деятельные индивидуумы. Анна уяснила этот принцип для себя очень давно, сделала выбор, поэтому с легкостью приняла правила игры и уже никогда не удивлялась своему положению.

Она всегда была красивой и видной девушкой, однако своим перфекционизмом и тягой к постоянному совершенствованию обеспечила себе позицию вечно непонятой и непостижимой одиночки. Именно поэтому еще со школы девушка преимущественно была одна. Ее обходили вниманием сверстники обоих полов. Для девушек она была странной выскочкой и всезнайкой, совершенно не разделяющей популярные веяния моды, музыки, соцсетей и всего того, чему девичьи армии придают столько значения в наш век. Парни же всегда могли выбрать из как раз-таки этого числа понятных для них и не ущемляющих их эго девушек. Плюс ко всему все эти простые радости и развлечения основной массы людей нашей Ане были чаще всего неинтересны и непонятны. Естественно, в прошлом, да и сейчас, она иногда пробовала снова «социализироваться», а вдруг в этот раз получится? Иной раз она принимала-таки предложение пойти, например, на шумную тусовку в веселую компанию и попробовать наконец проникнуться духом всеобщего веселья и бесшабашности. Однако там она никогда не чувствовала ни малейшего отклика в своей душе на подобный досуг и постоянно одной из первых уходила или уезжала домой.

Так и жила девочка, девушка и теперь уже, можно сказать, молодая женщина Анна Локин, чуть меньше чем полностью посвятив свою жизнь делу и самостановлению. Поэтому и увиденный накануне невообразимо реальный сон потряс ее до глубины души. Он, словно трещина в земной коре после сильнейшего землетрясения, расколол ее жизнь на до и после.

– Алло, слушаю, – по-фински ответила она на звонок, выведший ее из размышлений о только что пережитом.

Звонил тот самый финдиректор ее компании Лахти Тойванен, который все свое свободное от постоянных каникул в разных частях света время посвящал подбитию клиньев к Ане. Тех самых клиньев.

Вся суть подкатов неизобретательного финна сводилась к бесконечным приглашениям поехать в очередной круиз. Вот и сейчас господин Лахти зазывал Аню составить ему компанию то ли на Сейшелы, то ли на Бали, а может, и куда-то еще. Аня не особо слушала куда. Она вообще крайне устала от этих бесконечных в своей монотонности попыток ее шефа и ждала, когда же до него наконец дойдет тот факт, что желания ехать куда-либо с ним у Ани нет, не было и в этой реальности вряд ли вообще когда-то появится. Поэтому, выслушав очередное предложение, она со всей доступной ей тактичностью и женской мягкостью в очередной раз вынуждена была отказаться, сославшись на высокую загруженность на работе и на то, что, кроме нее, вести «Юнайтед Полимер Индастриз» в светлое финансовое завтра особо и некому. Про себя она еще добавила: «Тем более с таким вот начальником, который, вместо того чтобы, не покидая конференц-зал, плавно перетекать из одних бизнес-переговоров в другие, на деле же плавно перетекает из одного аэропорта в следующий, из одного отеля прибрежной линии в

очередной и из старых купальных шорт в новые, модные в этом сезоне». Эту последнюю свою мысль тактичная Анна, конечно же, оставила при себе.

В общем, разговор, который по факту длился от силы пару минут, но Анне показался самое меньшее получасовым, наконец-то закончился. Она отложила телефон, закрыла глаза и, подняв голову к потолку, с облегчением выдохнула. На часах было 8:30 утра, на календаре ноябрь, воскресенье.

В Финляндии, как и в подавляющем большинстве развитых европейских стран, завтракать и вообще принимать пищу дома было непопулярно, немодно и вообще странно. Поэтому госпожа Локин с целью позавтракать неспешно собралась и отправилась в одну из своих любимых кофеен неподалеку от дома. По привычке девушка взяла с собой ноутбук, так как находила, как и большинство людей ее поколения, принятие пищи без фонового сопровождения сетевого информационного шума совсем уж безынтересным.

В кафе все было как всегда: тихо, спокойно и стабильно. Такая иллюстрация размеренного финского образа жизни. Несколько посетителей разного возраста наполняли собой уютный светлый интерьер. Любимый столик Ани в углу возле окна был как всегда свободен и, казалось, ждал свою постоянную посетительницу. Приземлившись на стул, Аня открыла лэптоп, включила его и стала ждать официантку, которая, разумеется, появилась незамедлительно, как только Аня оторвала взгляд от экрана. Подойдя, официантка поинтересовалась по-фински:

– Доброе утро! Вам как обычно?

– Да, именно так, – ответила Анна, – как обычно: английский завтрак и чашку латте.

Официантка удалилась, Анна же тем временем открыла сайт из закладок браузера и погрузилась в чтение новостей ее родной страны. Во главе списка на новостном сайте крупными буквами значился заголовок: «ЗВЕРСКОЕ УБИЙСТВО В СИБИРИ». Заинтересовавшись, Анна кликнула по заголовку и перешла на страницу с подробным описанием случившегося. В статье сообщалось, что вечером в субботу, то есть новость была совсем-совсем свежая, в городе Томске один бездомный возле одного из сточных коллекторов в центре города обнаружил обезображенный труп молодого мужчины около 30 лет. Точнее сказать было нельзя, так как вместо лица у трупа было сплошное месиво и само тело было уже изрядно раздуто, видимо, после пребывания, по мнению экспертов, около суток в воде. В новости также было сказано, что личность убитого крайне сложно будет опознать, поскольку убийца потрудился над этим и мало того что полностью уничтожил лицо жертвы, но и раздробил ему пальцы на обеих руках, так что снять отпечатки было невозможно. Однако же экспертам удалось отыскать в ротовой полости убитого несколько коренных зубов, и благодаря сложной экспертизе ДНК личность жертвы в ближайшее время все-таки будет установлена.

После прочтения данной новости Аня в который раз внутренне порадовалась тому, что уехала, пожалуй, навсегда из этой страны и что ее визиты туда, как и раньше, скорей всего, ограничатся редкими поездками к родителям на праздники. Разумеется, убийства и вообще криминальные события время от времени совершались в любом уголке мира, в том числе и в Финляндии, но здесь им не уделялось такого внимания в СМИ. Связано это было с тем, что, возможно, в действительности самих убийств было ощутимо меньше. С другой стороны, политика в стране касательно освещения такого рода событий была гораздо сдержанней и деликатней, чем на 1/6 части суши. В Финляндии, как давно отметила Анна, спокойное и размеренное течение жизни граждан не омрачали подобными новостями так часто и столь внимательно к ужасным деталям. В российских же новостных структурах такого рода события были чуть ли не главной темой подавляющего большинства изданий и ТВ-каналов. Создавалось впечатление, что жителям России, как вампирам кровь для нормальной жизнедеятельности, необходим постоянный поток жести и чернухи.

Однако Анну непонятно почему, но всерьез заинтересовала данная статья. «Может, потому что я сама русская и тоже не могу без этого?» – с легкой мрачной иронией подумала

Анна. Но колокольчик оповещения, чтобы получать свежую информацию по этому событию, она нажала. И как только пальчик с красивым маникюром кликнул левой кнопкой мыши, тут же девушку прошиб пот. И как правильно догадывалась Анна, в жар ее бросило отнюдь не от горячего кофе. Дело было в том, что уж очень знакомой казалась ей только что прочитанная новость. Девушка, конечно же, тут же догадалась, почему так случилось. Ведь все, о чем говорилось в статье на сайте, сегодня ночью Анна уже буквально пережила и ощутила всем своим существом!

Осознав это, Анна почувствовала себя героиней какого-то мистического триллера популярного писателя. Все это походило на завязку какого-то лихого и страшного сюжета. Вот только если сон всегда можно списать на игру подсознания, накопившего балласт из переживаний и сбрасывающего этот балласт через сновидение, то сообщения уважаемого новостного агентства никак при всем желании нельзя было отнести к той же категории. Однако холодный Анин рассудок и здесь смог взять верх над лавиной самых разных чувств, переплетенных со страхом. Лавина разбилась о возведенную стену рационализма и скепсиса на мириады искрящихся в лучах финского солнца снежинок. Анна решила не паниковать и не строить никаких бредовых догадок. Совпадение и ничего более! В жизни совпадения еще и не такие случаются.

Дымящийся английский завтрак очень вкусно и методично утолял голод, кофе отлично оттенял и подчеркивал этот процесс, а за окном тем временем неумолимо двигалось к зениту солнце. Желтое сияние красиво играло переливами на крупницах выпавшего недавно первого снега. Под его белым покрывалом еще не успела пожухнуть и потерять свой яркий оттенок опавшая листва, превращая землю страны Суоми во что-то наподобие красочного фруктового десерта. Такое великолепие цветов и красок просто не могло позволить настроению скатываться в негатив. Вот и Аня, взяв кружку обеими руками, посмотрела на небо через безукоризненно чистое окно, и ямочки от улыбки украсили ее порозовевшие щеки.

Глава 6

Все утро и послеобеденное время отошедший от шока Эрик провел у себя дома, неспешно перемещаясь из кухни в зал и обратно тем же маршрутом, чередуя игру на PS4 и просмотр ТВ с перекусами и распитием своего любимого кофе.

Примерно в это время ему позвонил один из немногих его томских друзей Иван, с которым Эрик проводил львиную долю своего досуга вне работы. Парни договорились встретиться вечером в одном из местных пабов, пропустить стаканчик – другой пива и обменяться новостями: что, у кого, зачем и как. Эрик был рад звонку друга и предложению встретиться. Ему не терпелось поделиться пережитым недавно шокирующим опытом своего сна, а Иван Юшин был одним из тех немногих людей, кто способен был по-настоящему понять всё, что Эрик чувствовал, а также реально мог помочь разобраться в увиденном. Подсказать что-нибудь дельное или обратить внимание на то, что Эрик упустил. Самого Линдгаарда почему-то так и не отпустили коготки какой-то странной тревоги, несмотря на то что все были живы и сон, очевидно, оставался всего лишь сном.

У Эрика вообще было немного знакомых в Томске, а того, кого он мог бы назвать очень хорошим приятелем или даже другом, кроме Ивана, не было вовсе.

Парни познакомились на рок-концерте. Эрик любил подобную музыку и как-то раз потащил туда одну девушку. Нашел её Эрик на сайте знакомств, и после недельной переписки, узнав друг друга более или менее, ребята решили, что мош, треш и рок-н-рольный угар – идеальная атмосфера для их первого свидания офлайн.

При встрече с девушкой Эрик был не шокирован, нет, но и ожидания его после просмотренных оффотошопленных фотографий были далеки от суровых жизненных реалий. Но это было бы еще полбеда! Помимо несоответствия ТТХ, девушка откровенно стеснялась, разговор не клеился. А темы, которые пытался шевелить Эрик, потому как те значились в графе «интересы» на СЗ, все никак не находили ни вербального, ни эмоционального отклика у... Лены. Назовем ее Лена. А почему бы и нет? Тем более Эрик уже и сам не помнил, как ее звали. В результате всей борьбы во время выступления одной из групп разогрева Эрик отлучился в направлении барной стойки, намереваясь провести там настолько много времени, насколько получится. Там, у бара, не спеша потягивая водянистое светлое пиво, Эрик, не шадя, ругал себя за свою все еще детскую доверчивость и глупую веру в удачное знакомство по интернету. И еще, пожалуй, в то, что вытащил эту особу сразу на такое долгое и, можно сказать, интимное в плане обмена эмоциями мероприятие, как музыкальное шоу, ведь можно было для начала и просто кофе попить.

Как раз за этой самой барной стойкой, куда и удалился от своей спутницы Эрик, парни встретились в первый раз. Эрик обратил внимание на молодого человека, сидящего через стул от него и живо дискутирующего с барменом о качестве игры местной разогревочной группы. Послушав их диалог какое-то время, Линдгаард отметил импонирующую ему манеру речи соседа по бару и довольно интересные высказывания, с которыми сам Эрик был согласен чуть менее чем полностью, поэтому решил вклиниться в разговор со своими пятью копейками. Парни быстро разговорились, осушили первые литры пива, взяли еще. Эрик, грешным делом, и думать забыл об оставленной им спутнице, которая, возможно, поняла, что не впечатлила молодого человека, и ушла домой, а может, подобно Эрику, нашла какую-нибудь компанию единомышленников и сейчас неплохо проводила там время. Любой из этих вариантов, по мнению Эрика, был лучше, чем попытки высосать из пальца принужденное и доставляющее им обоим дискомфорт общение.

Когда же хедлайнеры мероприятия вышли на сцену, наши герои в изрядном подпитии уже были чуть ли не лучшими друзьями, знающими друг друга, казалось, сто пятьдесят тысяч

лет, и были готовы проследовать на танцпол для знатного угара, для чего оба, собственно, и были здесь. Иван познакомил Эрика с ребятами, с которыми пришел, и все вместе они изрядно оторвались в ту ночь, закончив тусовку только ранним утром в одном из пабов, пьяные неприлично, повисающие в объятиях друг друга и заявляющие, что теперь братья и друзья навек, уважающие и любящие друг друга сверх всякой мыслимой меры и т. п. Ну, вы знаете, как это бывает.

Эрик и Иван после этого стали довольно часто видеться. Редкие выходные проводили совсем без встреч друг с другом. Для Эрика так и вообще товарищ Юшин был единственным близким человеком в Томске. И когда первый был свободен от работы и не желал побыть в уединении, что тоже любил, он и Ваня тусовались либо в гостях друг у друга, либо ходили в кино или по барам, либо даже могли отдаться столь классическому для мужчин, особенно постарше, досугу, как игра в бильярд. Ребята имели схожие интересы, близкий по силе интеллект и вообще все то, без чего никакая настоящая дружба в принципе невозможна. Ведь определяющим фактором дружбы, как ни крути, является развитие параллельными курсами, увлечение похожим. Поэтому так легко и естественно появляются друзья в детстве и молодости человека, во время его наиболее интенсивного развития, роста и становления, когда ты в кругу схожих с тобой людей понимаешь, что важно и интересно вам вместе и тебе в первую очередь. А вот в зрелом возрасте друга или же просто хорошего приятеля завести не так-то просто, ведь необходимо, чтобы два взрослых человека раньше, во время своего становления, развивались почти что одинаково. Только тогда им будет о чем дружить. Именно так случилось и с нашими героями, чему Эрик был по-настоящему рад и благодарил судьбу за то, что та подарила ему друга в по сути чужом незнакомом городе, где он в силу рабочей необходимости и вынужден был сейчас жить.

Иван также любил компьютерные игры в том возрасте, когда любить их для России почему-то считается моветоном и инфантильностью среди «настоящих» мужиков. Помимо игр и фильмов, также как и Эрик, много читал, также интересовался философскими вопросами, немного религией, но не как адепт, исполняющий культы, а как еще одним инструментом для познания и понимания окружающего мира.

Был у Ивана и еще один интерес. Эзотерика, альтернативные, непризнанные наукой методы познания мира. Как раз это и радовало сейчас Эрика больше всего, особенно в рамках намеченной им вечерней беседы. Знакомство его друга с эзотерической оккультной темой должно было помочь ему понять и разделить впечатления и переживания Эрика, связанные с тем самым сном.

Встреча была назначена на 7 вечера, а стрелка часов в доме Эрика плавно подходила к 6. Парень приступил к сборам. Одевшись и вызвав такси, он посмотрел за окно, где в желтом свете фонарей на землю неспешно падали крупные хлопья снега. Погода, очевидно, была безветренная и, судя по градуснику за окном, чей ртутный столбик покоился рядом с цифрой 6 ниже нулевой отметки, идеальная для зимы, по мнению Эрика. Вышеперечисленные факторы прямо-таки гипнотически приказывали выйти на улицу и дожждаться такси там, допустим, коротая время за сигаретой. Эрик хоть и не был, по собственному убеждению, курильщиком, дежурная пачка сигарет всегда покоилась в кармане его верхней одежды в ожидании своего часа.

Линдгаард надел куртку, вступил в ботинки, шнурки которых были по обыкновению ослаблены, чтобы носить их, не затягивая или ослабляя шнуровку, и вышел из квартиры.

Оказавшись на улице, первое, на что Эрик обратил внимание, это, конечно же, на свою машину, как и подавляющее, пожалуй, большинство мужчин. Здесь Эрик передвигался на не самом последнем, но и далеко не самом старом Subaru Forester. Вторым же моментом, на что посмотрел Эрик, было то, как мало места было между его машиной и BMW 5, припаркованной параллельно передом к его Subaru. Уже не первый раз Эрик замечал, что хозяин этой машины

паркуется, что называется, как олень, то зажимая соседние транспортные средства, затрудняя им выезд, то оставляя свой автомобиль так, что тот перегораживает добрую половину проезда в узком и без того дворе. Все это уж очень бесило и нервировало Эрика. Он, напротив, был из тех водителей, кто очень аккуратно относился к таким моментам, как парковка, да и вождение вообще. Эрик всегда по мере сил старался как можно меньше создавать помех другим участникам движения. Естественно, придавая немалое значение этому вопросу, схожего отношения он ожидал и от других автолюбителей.

«Да как же меня достала эта скотина, в самом деле! – подумал Эрик. – Ну как можно быть такой свиньей и совсем не думать о других?!» Линдгаард уже выступал в роли пострадавшего от бессовестной парковки его соседа. Пару раз Эрик, обильно потея, пытался выехать с парковки, преодолевая дефицит пространства, обеспеченного ему хозяином BMW. 30 % усилий в таких случаях уходило на собственно выезд с парковочного места, а остальные 70 % – на вербальное и невербальное покрытие плотным слоем мата владельца «пятерки». Как-то раз он даже видел его выходящим из подъезда и садящимся после в свою машину, но подойти не решился, сославшись для себя на то, что его машина-то, слава богу, не приперта, что и на работу пора, плюс ругаться попусту как-то не хочется.

Да и на минуточку! Он как-никак не последнее лицо в успешной компании. А такому лицу никак не подобает инициировать дворовые разборки. Примерно в таком ключе вел Эрик тогда внутренний диалог, наблюдая, как хозяин BMW садится в свою машину и уезжает со двора. Однако у каждого из нас где-то в самых темных глубинах души живет та часть человека, которая на самом деле все про себя знает и понимает. И всегда, когда Эрик мыслями возвращался к тому случаю, из этих темных душевных недр кто-то негромко напоминал ему, что тогда он просто-напросто струсил. Побоялся вступить в легкий и незаметный конфликт тогда, когда конфликта, возможно, никакого бы и не было, а был бы, скорей всего, простой разговор. И кто знает, возможно, этот разговор возымел бы действие.

Точно так же ведь было и с Эмилем. Эрик резко и, скажем, адекватно отвечал ему, только будучи доведенным до точки кипения. А ведь сколько нервов могло быть сэкономлено, веди себя Эрик чуточку смелее заблаговременно!

Линдгаард помнил, что не всегда был таким. В детстве он был бесшабашным сорвиголовой, всегда в первых рядах или даже в гордом одиночестве жестоко сражавшимся с любой имевшей место несправедливостью в отношении другого человека или же, не дай бог, его самого. Эти его воспоминания совпадали и с мамиными рассказами о том, когда наш герой был еще совсем малышом и не помнил себя. Как такового конфликта Эрик, пожалуй, не боялся, но после одного случая, произошедшего с ним в детском саду, стал бояться последствий. Но об этом позже.

Выйдя во двор и снова став свидетелем хамства, учиненного хозяином BMW, Эрик враз забыл про любимую погоду, завораживающие хлопья снега, щедро сыплющиеся с неба, и про предстоящий уютный вечер с другом. Он лишь достал сигарету, быстро зажег ее и торопливо, резко и глубоко затянулся так, что даже зашелся приступом кашля. «Сука же какая, – в ярости подумал Эрик, – из-за его сраного отношения даже покурить нормально не могу. Такой вечер испортил, гад!» Позже Эрик отметил всю странность и дикость последовавших после этого своих действий.

Он затянулся сигаретой еще раз и выбросил ее тлеющую прямо в снег. Чувствуя в груди искры ярости, а в животе – холодный свинец адреналина, он подошел к BMW и что было силы пнул ногой по машине в том месте, где бампер соединялся с передним крылом. Потом еще добавил, со всей силы хлопнув ладонью по капоту. Хлопок этот звучным эхом прокатился по пустому двору, и белая BMW завизжала сигнализацией, истерично мигая поворотниками.

Опустив низко голову в капюшоне и сквозь розовую поволоку глядя на белый снег, Эрик подумал: «Ну, выходи, сука... разберемся уже наконец». Приход хозяина не заставил себя

долго ждать. Не прошло и трех минут, как из соседнего подъезда быстро вышел мужчина лет 40 с приличным животиком, пятидневной небритостью, лысеющий и в расстегнутой кожаной куртке с капюшоном мехом внутрь. Быстро посмотрев туда-сюда, не обнаружив во дворе никого, кроме Эрика, замершего со склоненной головой возле его белой ласточки, сложив 2×2, мужчина неуклюжим быстрым шагом поспешил разобраться в сложившихся обстоятельствах.

Подойдя к своей BMW, припаркованной прямо под светом фонаря, и увидев, что зазор между бампером и крылом какой-то неестественно большой, а также увидев трещину на бампере и след, оставленный ботинком Эрика, хозяин машины, выпучив глаза, срываясь на крик, произнес:

– Ты че, гандон, ногами машешь?! Какого тебе моя машина сделала??

– На себя посмотри, мразота, – с удивительным для самого себя ледяным спокойствием низким голосом ответил Эрик.

– Че у тебя за проблемы, придурок? Расскажи хоть ради интереса, пока еще можешь внятно говорить со всеми зубами.

– Мне надоело смотреть, как по-еблански ты паркуешься, свинья, решил вот тебе глаза открыть. Посмотри, сколько места ты мне оставил для выезда. Как я, по-твоему, должен отсюда выбираться?

К слову говоря, Subaru Эрика и BMW стояли друг к другу морда к морде, только вот за BMW машин не было, там начиналась дорога, и становиться настолько близко, буквально в 15 см, не было никакой необходимости.

– Да мне похуй! – ответил мужчина. – Выедешь, не усрешься, чем ты лучше других-то?

– Это ты чем лучше, чмо жирное, обнаглевшее, что позволяешь себе так наплевательски относиться к другим?

Эрик хоть и был выше среднего роста, немного за 180, но телосложением, особенно в зимней одежде, богатыря не напоминал, хоть и был в меру подтянут и мускулист. Хозяин BMW же, видимо, понадеявшись на свое превосходство в габаритах и, следовательно, в весе, после последней реплики нашего героя двинулся в нескрываемую атаку.

– Пизда тебе, гандон охувевший!

С этими словами он пошел на Эрика всей своей массой, с руками вперед, хватая последнего за грудки. Эрик просунул правую руку между рук мужика, обхватил ладонью его лицо и большим пальцем с силой нажал на левый глаз атакующего. Мужчина заверещал от боли, сыпля ругательствами, его хватка ослабла. Эрик почувствовал это, после чего просунул левую руку, сбил хватку и с силой толкнул обидчика в грудь. Пузан отошел на полтора шага, встряхнул головой, потер пострадавший глаз и предпринял новую атаку. Эрик с силой пнул его правой ногой в левое колено, мужчина присел на него, а Эрик же, сделав шаг в сторону, слегка развернувшись, взял двумя руками голову мужчины и, используя инерцию плюс силу своих рук, со всей мочи впечатал его голову в крыло его же BMW. Потом еще и еще раз. Мужчина обмяк и повалился на снег с разбитым носом и несколькими рассечениями в области глаз. На крыле BMW кровавое пятно медленно растекалось. А тонкая тягучая на морозе струйка крови капала на снег.

– Гандон ебанный, полежи, остынь, – яростно выдохнул слова Эрик.

Он пинками откатил тело в сторону подъезда. Мужчина, будучи в сознании, после второго переворота с трудом поднялся и сел на заснеженный бордюр, уткнув разбитое лицо в ладони. Линдгаард подошел к нему с левой стороны и, сжав в кулаке ухо жертвы, дернул его голову вверх.

– А теперь слушай сюда, мразь. Еще раз увижу, что твоя колымага припаркована в подобном стиле, сломаю тебе руку при встрече, ты понял??!! Ах да, если найду хоть царапину на своей машине, в дополнение к руке еще и ногу сломаю. ...И нос откушу, – подумав, добавил Эрик.

Обернувшись на звук колес на снегу, Эрик увидел, как во двор въезжает старенький Nissan с шашечками на бортах. Наклонившись и зачерпнув горсть снега, Эрик омыл от крови руки и пошел к ожидавшему его такси.

***

Такси остановилось, Эрик вышел и направился ко входу в паб, который находился в подвале дома на одной из центральных улиц Томска. Зайдя внутрь, он огляделся и почти сразу же увидел Ивана, который уже ждал его за их любимым столиком. Эрик не жаловался на свою пунктуальность и даже в этот раз, несмотря на недавнюю разборку во дворе, зашел в паб в 18:57. Он по привычке посмотрел на часы, когда выходил из такси, для того чтобы в который раз внутренне порадоваться, насколько же все-таки пунктуален. Несмотря на это Юшин уже ждал его. Это качество в Иване очень нравилось Эрику, ведь обычно это он всегда, несмотря на то что приходил на встречи строго к назначенному времени, вынужден был ждать прихода остальных. А тут судьба свела его с тем, кто почти всегда приходил раньше. И, согласитесь, это гораздо приятней, когда ждут тебя, а не ты.

Эрик быстро приблизился к столику, протягивая руку своему другу со словами:

– Здорово, камрад! Как сам? Давно ждешь?

– Ну, как жду, – отвечал Иван, – фактически да, но формально ведь и нет. Ты ведь, сучий отпрыск, как всегда, пришел строго вовремя!

Рот Эрика разъехался в улыбке, а глаза весело сощурились.

– Да как-то так само получается, ничего не могу с собой поделат. Ты ж вот тоже ничего не можешь с собой поделат, приходишь раньше всех и сидишь чалишься!

Парни весело рассмеялись обоюдным остротам, а Эрик тем временем разместился за столом. Взял меню, бегло просмотрел. Меню было все то же, без изменений, поэтому Эрик отложил его, ведь прекрасно знал, что собирается есть и пить. Подошла официантка в белых гетрах на загорелых ногах, которые благодаря ее весьма короткой клетчатой юбке можно было рассмотреть во всей красе. Парни сделали заказ. Эрику уже не терпелось перейти к разговору.

– Ну че, как дела-то? – начал он. – Как трудовая неделя прошла? Как там твои инвестиции?

Друг Эрика был одним из той породы счастливцев, которым всегда завидуют сверстники. Почему завидуют? Все просто. Трудовая неделя Ивана Юшина была гораздо менее трудовая, чем у большинства обывателей. Ведь весь свой доход он получал благодаря деятельности в интернете. Иван занимался современными инвестициями: всем понемногу, от классического «Форекса» до самых новых криптовалют, и надо сказать, что неплохо жил с этого. Эрик неоднократно бывал в гостях в шикарно обставленной квартире Ивана, подвергнутой дорожному, по его оценкам, ремонту. Передвигался его друг на новеньком Jaguar F-Pace с топовым, разумеется, двигателем. И если только господин Юшин не был наследником большого состояния, о чем тот никогда не говорил, то все эти атрибуты успешности пришли к нему именно благодаря интернет-заработкам. Эрик крайне уважал Ивана за это умение так играючи зарабатывать. Ведь такое по силам не каждому: с нуля разобраться в хитросплетениях финансовых дебрей и поставить эти знания себе на службу. Многие молодые люди около 30 и моложе в наше время хотели бы жить как Иван: не быть вынужденными ходить на работу в какой-нибудь постылый офис, каждый день потихоньку деградируя под напором серой рутины. Хотели бы иметь возможность путешествовать куда угодно, передвигаться на более чем приличной машине и все в этом духе. Эрик и сам не прочь был переключиться уже на что-то подобное, а не работать в компании, пусть и большой, пусть и успешной, пусть даже и на отличном месте и хорошем счету, но все-таки именно работать *на* кого-то. Что уж и говорить о менее везучих представителях поколения наших героев. Хотя... «А кто им, собственно, мешает? – думал сейчас Эрик. – Кто мешает мне? Все элементарно. Лень и привычка дрейфовать по пути наименьшего сопротивления, плыть по реке в русле зоны комфорта на плоте из обывательского минимального достатка,

кредитов и удовольствий». Эрик верил, что человеку доступно что угодно, самое трудное – найти в себе волю, намерение и мотивацию отклеить свою задницу от любимого мягкого стула возле компьютера с YouTube и начать уже действительно развиваться через практику.

– Да пока никак, – отвечал Иван на заданный вопрос, – дело к зиме, крипту лихорадит, решительно непонятно, на чем работать. Так что... Пока просто доверил своему брокеру раскидать кое-какую денюжку по фьючерсам. Конечно, доходы так себе, но зато и без дела не лежит.

– Ясно. Чилишь, значит, – улынулся Эрик.

– Ага, набираюсь сил, можно сказать, перед новогодней истерией. Ты че, как, как отпуск, поедешь куда-нибудь?

– Да нет! Не в этот раз. Вроде ведь и был уже везде, где хотел. А нового пока что-то ничего на ум не идет. Да и отпуск-то еврейский, так, недельку дали перед закрытием года. Потом на праздниках, может, до родителей в Красноярск доберусь, ну и покатаюсь там заодно, – ответил Эрик Линдгаард, увлеченный, между прочим, любитель сноубординга.

Парни сделали глоток доставленного только что пива. И Эрик продолжал:

– Ты офигеешь, какой сон мне приснился! На самом деле офигеешь. Буквально сегодня ночью вот.

– А, валяй-валяй! Выкладывай! Только вот я свой хрустальный шар, как назло, дома забыл, – принялся валять дурака Иван.

– Твои шутки, конечно же, как всегда из жопы мишутки, – в тон ему ответил Эрик, немного помолчал и продолжал: – На самом деле полная жесь. Со мной такого никогда не бывало еще. По крайней мере, проснулся я в самом настоящем ужасе. Даже руки тряслись, как у треморного дедушки.

– Ого! Сейчас вот чу-у-у-уточку интересней стало. Ну и что же такое тебе приключилось? Ты ведь, м-м-м, бывалый сновидец, если можно так сказать, вооруженный знанием, – Иван плавно переходил на серьезный тон.

– Да в том-то и дело, – отвечал Эрик, почесывая затылок, – и мы с тобой об этих всех снах сто раз говорили, и вроде осознавать себя там у меня получается, поэтому уже лет сто я не видел кошмаров, а если и видел, то легко с ними справлялся. В общем, слушай...

И Эрик пересказал ему свой сон, все от начала до конца, любую мельчайшую деталь, каждую подмеченную непохожесть на реальный физический мир. Все то, что чувствовал сам в те моменты. И, разумеется, убийство. Вот только он не сказал, кого именно убил, просто сказал, что так, один знакомый. Потому как, хоть Эрик и убедился, что с Эмилом все в порядке и это действительно на все 100 % был всего лишь сон, какая-то часть сознания повелела сделать ему именно так. Береженого, как говорится...

– Но тут... – продолжал Эрик, – понимаешь, я помню, что отмечал и замечал все детали и странности, которые видел: мир был странный, чересчур из крайности в крайность, что ли: или очень красочный, или, наоборот, крайне мрачный и размытый. Звуки такие, какими никогда в жизни не бывают. Совершенная невозможность узнать время. То есть я сознательно присматривался ко всему тому, после чего ты просто задаешь себе резюмирующий вопрос: «А сплю ли я?». После этого вопроса твой мозг, понятное дело, учитывая все нестыковки с реальным миром, однозначно тебе отвечает: «Да, спишь». И раз так, отныне ты контролируешь сон, а не он тебя. Ну да что тебе объяснять, ты сам это прекрасно знаешь.

Иван слушал рассказ с интересом, не перебивая и не сводя глаз с друга. Он даже забыл о пиве. Ни разу за все время, пока Эрик рассказывал, Иван не притронулся к стакану.

– Странно, конечно, что ты не смог осознаться, – протянул Юшин, – в принципе уже в кафе при звуке колокольчиков можно было это сделать.

– И не говори! Я подумал после всего, ну и успокоился на мысли, что я ведь далеко никакой не гуру и не всегда сновидение получается осознанным, пусть даже в самых, казалось бы, явных случаях.

– Да, интересно, конечно, – отвечал Иван. – А ты не думаешь, что, может, все-таки убил того человека, ну, только в другом мире?

– Ты это серьезно сейчас? – в упор посмотрел на друга Эрик и сделал глоток пива.

– О, вполне, – продолжал Иван и тоже отхлебнул пива, – более того, мне кажется, ты и сам оставляешь такую возможность, поэтому и не сказал мне, с кем же это конкретно ты встретился.

«Все-таки какой же чертовски умный подонок», – глядя на друга, подумал Эрик. Он склонил голову, вздохнул, осушил сразу треть стакана и уже вслух продолжал:

– Да, не исключая, поэтому мне, если честно, до сих пор не по себе до конца.

– Друг мой, даже если параллельные миры и существуют, на то они и параллельные, чтобы не пересекаться с нашим, поэтому бояться, что это как-то повлияет на тебя, я бы не стал.

– Посмотрел бы я, как бы ты не боялся, если б подобное случилось с тобой, умник, – с натянутой улыбкой ответил Эрик.

– Да брось ты, – сказал Иван и махнул рукой. – Я б на твоём месте относился к этому как просто к интересному опыту, разбавляющему твоё одинокое пресное существование!

– О! Лучше уж я продолжу пресно существовать, чем разбавляться такими кошмарами, знаешь ли, – хмыкнул Эрик. – Кстати, помнишь, я говорил тебе про чувака, чья «пятерка» мне все мозги съела своей конченной парковкой?

– А, ну, помню, конечно, ты ж мой притесняемый со всех сторон бедолага, – отвечал Иван со своей прежней веселостью.

– Так вот, встретился с хозяином машины сегодня, буквально перед тем как поехал сюда.

– Ну и как? – осведомился Юшин. – Поговорили? Ты сказал ему, что не в восторге от авто-харассмента?

– Сказал – это мягко сказано. Оставил его сидеть с разбитым лицом возле дома, еще и угрожал, ты прикинь!

– Он тебе?

– Я ему! В общем, как было: выхожу я, значит, из подъезда весь такой в отличном настроении, погода – класс, снежок, тепло и все такое. Думаю, подожду-ка такси на улице, покайфую. Ну вот, выхожу, прикуриваю и что вижу, по-твоему? Стоит эта долбаная «пятерка», прижала меня по самые помидоры, выехать нереально, если вдруг нужно будет.

– Та-а-а-ак, – протянул Иван.

– И чего-то как меня переклинило, прикинь! Я подхожу к машине, с ноги сношу полбампера. Помял еще и крыло попутно вроде бы. Сигнализация молчит. Ну, я и, недолго думая, огрел тачку со всей силы по капоту. Тут уже она заревела, выбежал хозяин – премерзкий дядя, на мой взгляд, ну и, естественно, в оскорбленных чувствах ломанулся на меня справедливость и попорченную честь восстанавливать. Подходит такой, ну и давай с мата на мат: да я тебе, такой-то, мать твою такая-то, че ногами машешь и все в таком духе. Я ему как бы тоже жестко свое видение ситуации обрисовываю. После чего дядя в драку. В результате всей борьбы, в общем, приложил я его будь здоров. Ну и в итоге заявил, что если он вздумает как-то на моей машине отыгаться, я ему руки-ноги переломлю и...

– Что? – спросил заинтересованный и слегка охреневающий от того, что слышал, Иван.

– Нос откушу, – попытожил Эрик.

– Аха-ха-ха-хах-ха-ха-ха! – зашелся диким хохотом Иван. – О боже, пощады, о ужасный, поедающий носы врагов своих! Аха-ха-ха-ха-хах, пощади!

– Вот так вот, прикинь, хах! – Эрик, глядя на друга, и сам потихоньку начал прихихикивать.

– Не, дружище, если серьезно, то это жесть какая-то, – сказал Иван, вытирая слезы, – смех смехом, и толстый, возможно, по-хорошему даже заслужил нечто подобное, но, сам понимаешь, в наше время за такое не бьют и разборки таких, как мне кажется, адекватные успешные люди, как ты, не устраивают. А если он заявку пойдет написать? Это до работы твоей непременно докатится. Тебе оно надо?

– Да понятно, что не надо, но знаешь... Я тогда ведь обо всем этом вообще не думал, все, что меня заботило, – это проучить и наказать уже наконец-то того козла. Чувствовал себя прямо как тогда... – и тут Эрик осекся и его зеленые глаза встретились с синими друга.

– Как тогда во сне, хочешь сказать?

– Да, именно. Блин...

– Чувак. Сны, конечно, учат нас, как, в принципе, и весь жизненный процесс. А когда сон осознаешь и начинаешь вытворять там всякое, вообще порой просыпаешься с чувством, что сегодня в реале горы свернешь. Было у тебя такое?

– Да, было именно так. Эта ведь осознанность и нужна как раз для того, чтобы показать тебе, что ты можешь менять окружающий тебя мир. Можешь, это реально. Пусть и не так быстро, как во сне, но все же. Твои мысли и намерения определяют мир вокруг.

– Вот то-то и оно, Эрик. Не стоит тебе, я думаю, укореняться в мысли, что ты безнаказанно можешь наказывать людей, пусть даже за их самое откровенное и вопиющее хамство.

– А может, стоит хоть кому-то, а?

– Так для этого же карма есть, ты что, чувак!

– Ну а если и ей какое-то орудие нужно, через которое действовать? Не думал об этом?

– Да, разумеется, думал... – протянул Иван. – Не знаю даже, что тебе на это ответить.

– Знаешь, Ваня. Я ведь всю жизнь, можно сказать, себя ограничивал, был максимально адекватным, спокойным, кто-то бы, наверно, даже сказал, что трусоватым иногда. Шел на конфликты только в самом крайнем случае. Не поверишь, как меня это достало. Честно.

– Почему, прекрасно понимаю, о чем ты, и верю. Но в наше цивилизованное и толерантное время...

– Да-да, – перебил Эрик, – знаю, что ты сейчас скажешь: время сейчас другое, не средние далекие века. Человек защищен. Множество инстанций и органов, в которые можно пойти, написать кляузу, стукануть, указать пальцем. Плюс карма, конечно же.

– Ну, примерно в этом русле, – согласился Иван, – но точнее...

– Но точнее то, что в конечном итоге никто тебя не защитит здесь и сейчас, случись что вот в данный конкретный момент. Ты не пойми неправильно, я и сам думал в точности как ты да и большей частью продолжаю так же думать. А то, где я сейчас нахожусь, где и кем работаю, случилось во многом благодаря моему, скажем, покладистому характеру. Вот только характер этот начал вырабатываться не благодаря моему выбору, а под влиянием одного очень далекого происшествия из глубокого детства.

– Какого? – с интересом спросил Юшин.

– Сейчас расскажу.

***

Как мы с вами уже говорили и как упоминал сам Эрик, в детстве он был довольно агрессивным мальчиком. Агрессия эта была часто вовсе необоснованная. Например, когда он на дне рождения двоюродной сестры весь вечер цеплялся и, прямо скажем, харассил одного мальчика. Тогда Эрик – и он прекрасно это помнил – буквально терзал душу бедному мальчишке. Еще Эрик помнил, что испытываемые им тогда эмоции доставляли ему настоящее, неподдельное наслаждение.

Иногда, когда Эрик вспоминал свои детские годы и эту часто переполняющую его агрессию, он во многом сам себе напоминал Эмиля Ахвердиева. Того самого старого знакомого с работы. Паттерны поведения маленького Эрика в те годы и Эмиля, когда тот доставал Эрика в

Иркутске, были очень похожи. Несмотря на это, Эрика всегда бесил нагловатый и хамоватый Эмиль. Сам Линдгаард лишь недавно стал задумываться о том, что это его негодование из-за поведения коллеги на самом деле вызвано глубинной завистью той свободе, которую позволял себе Эмиль. Такое смелое и безоглядное на последствия своих действий поведение Эрик уже давно не мог себе позволить. Так что же случилось?

Именно об этом инциденте детства Эрик Линдгаард и рассказывал сейчас своему другу Ивану.

Случай произошел в детском саду, когда маленькому Эрику было около 6 лет, может, чуть меньше или чуть больше. Это случилось на утренней прогулке под серым осенним небом, когда у ребят вырывается изо ртов первый в году парок, сообщая малышам о том, что теплые деньки закончились, а бабье лето начинает неотвратимо отступать под натиском холодных дней настоящей осени. В такое вот осеннее утро и произошел инцидент, придавший, возможно, всей дальнейшей жизни Эрика совершенно новый курс.

Наш маленький герой уже тогда неплохо различал людей: видел, кто смелый, а кто нет, кто добрый и справедливый, а кто скользкий и хитрый, кто готов делиться всем ради друга, готов постоянно брать вину за общие проступки на себя, а кто, напротив, постоянно за глаза валит всё на других, хитрит и пытается именно себя выставить в лучшем свете. Но больше других маленький Эрик не любил и презирал тех, кто неустанно очерняет других перед администрацией в лице нянечек и воспитателей.

Детей с самого раннего возраста учат добру в самом классическом и хрестоматийном его понимании. Этому способствуют и родители, и мультфильмы, и вообще вся современная, ориентированная на детей культура. Одни дети впитывают эту пропаганду лучше и охотнее. Другие же хуже, и часто подвергая сомнению. Ведь даже у ребенка, даже у очень еще, казалось бы, маленького и несмышленного возникает вполне логичный вопрос: а выгодно ли быть хорошим? Что он-то с этого будет иметь? Поступят ли другие люди, по отношению к которым он почему-то должен быть образцом идеального члена общества, так же хорошо с ним? Сделают ли они, окажут ли они ему те же честь и услуги, вернут ли доброту и такт? И не получив утвердительного ответа на этот вопрос, уже в детском саду многие дети если еще и не сворачивают, то уже часто стреляют глазками в сторону, чтобы посмотреть: а что там, за этой узкой дорожкой правильности? Понемногу они начинают посматривать в сторону эгоизма, себялюбия и хитрости. Порой они даже начинают пробовать своей маленькой ножкой почву на тропе агрессивного поведения, плетения заговоров против кого-то и, допустим, стукачества на неугодных.

Именно таких вот маленьких человечков, посматривающих на темную сторону, очень хорошо видел маленький Линдгаард. Конечно же, в то время, и это понятно, он не проводил никаких анализов и не философствовал по этому поводу. Он просто видел, как поступает тот или иной ребенок в конкретной ситуации, и тут же интуитивно понимал, соответствует ли это его внутреннему моральному компасу или же нет. То, что этот самый его компас работает и показывает туда, куда надо, Эрик знал. В этом его убеждали в первую очередь любящие родители, будучи по-настоящему честными людьми. Они воспитывали своего единственного ребенка по своему образу и подобию, а как же иначе? Друзья в садике в основной массе симпатизировали Эрику и хотели дружить с ним. Они уважали его и признавали в нем лидера. Воспитатели тоже видели в нем способного и перспективного мальчика, всегда здраво и ясно рассуждающего.

Такое всестороннее признание укоренило в молодом Линдгаарде мысль, что он может вмешиваться и судить сверстников, если те, по его мнению, чинят какую-либо несправедливость. Именно так как-то раз и случилось в то самое холодное утро, когда группа Эрика на прогулке сосредоточилась возле одного из городков на территории детского сада. На центральной площади, скажем так, этого городка находилась песочница, где и пребывало тогда подав-

ляющее большинство мужской половины группы. Эрик же залез на ракету рядом с песочницей и взирал оттуда на согруппников с приличной для ребенка высоты.

Оттуда Эрику очень хорошо было видно, что происходит в переполненной песочнице. Там, внизу, мальчик Женя, коротко стриженный темноволосый ребенок с узкими глазками и выдающимся вперед верхним рядом зубов, что делало его похожим на крысенка, пытался закопать в песок одного тихого и мелкогабаритного мальчика. Закапываемого Эрик знал, и этот мальчик всегда вызывал в нашем герое симпатию. Он не был каким-то чересчур шумным или веселым шутником, не был особо талантливым в чем-то да и фантазией тоже отнюдь не блистал. Однако Эрик видел в нем хорошего, доброго и, самое главное, чуткого товарища, который всегда подойдет к тебе, если ты почему-то грустишь один или свалился, например, в лужу при штурме какой-нибудь полуразрушенной беседки на территории садика.

Именно так однажды и случилось как-то раз с Эриком. Миша, этот мальчик, тогда был первым, кто пошел вытаскивать его и позвал воспитательницу, пока Эрик в шоке от падения отряхивал курточку и штанишки от весенней грязи.

И именно этого маленького Мишу по каким-то абсолютно непонятным для Эрика причинам в данный момент пытался захоронить в недрах песочницы крыса-мальчик Женя. Происходящее никак не состыковывалось с тем, как должно относиться к хорошему ребенку, по мнению Эрика. И он незамедлительно, торопливо спустившись с ракеты, поспешил восстанавливать пошатнувшуюся справедливость.

Эрик подошел к песочнице и поинтересовался, почему и за что сейчас происходит погребение хорошего человека, что такого тот сделал? В ответ Эрик получил рекомендацию «отстать», и что вообще это игра такая, а Эрик ничего не понимает, да и Мише на самом деле классно и весело. Однако лицо Миши, скованное тисками страдания, щедро присыпанное песком, с вынужденно закрытым одним глазом говорило о диаметрально обратном. Эрик потребовал отдать ему лопатку, потому как надо откапывать Мишу, что игра, очевидно, зашла дальше необходимого. На это Женя раздраженно спросил, почему тот «докопался», и предложил Эрику идти гулять. Еще он заявил, что никакую лопаточку для освобождения из песочного плена страдающего Миши ему не дадут, ведь эта самая лопаточка нужна для дальнейшего закапывания.

Эрик в тот момент понял, что цивилизованный диалог зашел в тупик и необходимо переходить к решительным действиям. Он поднял голову, осмотрелся, нашел взглядом возле одного из сооружений городка немаленькую такую, увесистую детскую лопатку, которая чем-то напоминала саперную. Недолго думая, маленький поборник справедливости направился к лопатке, поднял ее и неотвратимо, как сама судьба, пошел обратно к песочнице. Перехватив лопатку так, чтобы на голову несговорчивого Жени она опустилась плашмя (он ведь не хотел никого убивать), Эрик настойчиво постучал крысу-мальчика по плечу, и когда тот обернулся, со всей силы врезал ему по роже черной лопаткой. Щека Жени мгновенно покраснела, и он, сощурился и без того неширокие глазки, с недоумевающей ненавистью смотрел на Эрика. Потом, повинувшись своему устоявшемуся шаблону, Женя оглянулся, увидел дежурную воспитательницу и уже открыл рот, крича: «НАТА-А-А-АЛЬЯ ВАЛЕРЬ!...». Как вдруг получил лопаткой по второй, левой, щеке, а потом еще и еще раз по правой. Эрик теперь не стеснялся и бил презренного ябеду со всей своей силы 6-летнего мальчика. Пару раз угол лопатки в не совсем еще ловких и уверенных ручках немного изменялся, благодаря чему на лице Жени появилась пара кровавых царапин от углов лезвия.

На крики детей подросла Наталья Валерьевна. Она вырвала оружие возмездия из рук Эрика, растащила мальчиков и увидела вкопанного Мишу. Женщина в общих чертах поняла, что здесь случилось и почему в маленьком Линдгаарде опять разыгралась кровь его отчаянных скандинавских предков. Эрик просто-напросто опять пришел на помощь очередному несправедливо поруганному и обиженному. А еще она также знала, что когда спросит Эрика об оче-

редной его агрессивной выходке, то в ответ услышит довольно обоснованное объяснение своих действий. Маленький мститель скажет, что это не просто так, а в защиту хорошего человека и друга, которого обижали. Ну кто, если не он, еще пришел бы ему на помощь? Сама Наталья Валерьевна часто терялась в таких случаях, так как, с одной стороны, разумеется, должна была ограничивать яростные порывы Эрика, но с другой – восхищалась мальчиком, его смелостью и рассудительностью. Люди ведь любят мстителей, тем более мстящих праведно. Иногда, правда, бывает, что этим мстителям совсем немного лет и они просто вынуждены подчиняться тетенькам-воспитательницам. Но это пока...

Наталья Валерьевна всегда таяла под напором горячего маленького сердечка, всегда готова защитить слабых от зла и несправедливости. Поэтому если она и ругала Эрика, то совсем чуть-чуть, и, скорей, даже не ругала, а пыталась донести до мальчика, что таким образом дела в нашем непростом мире не делаются и надо сдерживать себя. Она в который раз пыталась донести до Эрика, что, когда тот видит несправедливость, нужно просто говорить ей, Наталье Валерьевне. Конечно же, мудрая воспитательница понимала, что такие мальчики, как Эрик, никогда не пойдут ябедничать взрослой тете, особенно если могут разобраться сами. Но сказать хоть что-то, естественно, должна была.

Трудности в воспитательный процесс, по мнению Натальи Валерьевны, добавляло еще и то, что родители Эрика, особенно отец, всегда откровенно хвалили ребенка за подобное поведение. О чем они только, казалось бы, думали? Но тем не менее. И похвала эта, естественно, укореняла Эрика в своей правоте, придавая ему такую уверенность, которую не могли развеять слова всех самых мудрейших воспитательниц этого мира.

Однако позже, в вечер того же дня, в который Эрик наградил ненавистную крысиную морду яркими алыми царапинами, заступаться за своего отпрыска пришла такая же мощная сила, наподобие той, что всегда поддерживала Эрика. В тот вечер за Женю пришла заступаться его мама. Хитрая женщина выбрала время, когда почти всех детей уже забрали из садика и воспитательница сидела в своем кабинете, занимаясь какой-то бумажной работой. В общем, случилось так, что взрослых не оказалось рядом. Рядом с Эриком тогда не оказалось вообще никого. Некому было вступить за младшего Линдгаарда, объяснить, почему он сделал именно так, просто встать на его сторону. Именно в тот час в спальню мальчиков и вошла Женина мама. Все кровати в спальне были пусты и красиво заправлены, а Эрик в полном одиночестве сидел за столом и собирал конструктор в ожидании своих родителей, которые часто задерживались в силу работы.

Мама Жени тогда сделала вот что. Она дала Эрику встать, сказала ему, кто она такая, и отгеснила Эрика в угол. Сказала, что ничего не хочет слушать о том, как не прав был ее сын, унижая другого ребенка, она лишь нависла над Эриком, запертым в углу возле двери, осознающим над собой намного превосходящую силу взрослого человека. Плюс этот человек держал его за ухо, делал ему больно. И, казалось, эта боль никогда не закончится, ведь сейчас никто не мог за него заступиться. Взрослый этот человек сказал ему, что если тот еще хоть только раз тронет ее драгоценного сыночка, то человек этот изуродует Эрика и превратит его жизнь в кошмар. Теперь уже, спустя много лет, Эрик много чего не помнил из того, что случилось в тот вечер в спальне мальчиков. Но вот этот чудовищный посыл в разы превосходящей силы и статуса над ним он запомнил. Его подсознание запомнило. То, что никого не было рядом, чтобы его защитить от этой превосходящей силы, он запомнил. Он запомнил, что последствия за свои действия он несет суровые. Несет их один. А за других вступаются.

***

– Вот так вот, Ваня, – закончил Эрик, – а то был бы твой покорный слуга сейчас каким-нибудь, ну... бойцом ММА в лучшем случае, а в худшем бы на нарах где-нибудь чалился, а то и под ними.

– М-да... – протянул Юшин, – действительно, прав был дядя Фрейд, или кто там, Юнг, может быть, говоря, что все ниточки из нашего детства тянутся...

– Так оно и есть. Знаешь, – продолжал Эрик, – сейчас я, конечно, ни в коем случае не благодарен той женщине, маме этого крысюка. Но благодаря ей во многом, я почти в этом уверен, сейчас я стал тем, кем стал. Жаловаться, сам понимаешь, на это вроде бы глупо. Кто знает, каким бы я был, если бы рос с тем чувством безнаказанности и физического превосходства над другими, как в детстве?

– Наверно, таким, как сегодня на парковке, – улыбнулся Иван.

– Это еще в самом безобидном случае, – ответил Эрик.

Однако Линдгаард не рассказал своему другу одного интересного изменения. Дело в том, что поведенное им воспоминание всегда было с ним, оно было вшито в его подсознание. Эрик всегда знал причину, по которой его характер сейчас такой, как есть. Но после памятного сна об убийстве, когда Эрик заново думал об этом переживании своего детства и когда пересказывал его, что-то в корне изменилось. Теперь Эрик помнил те события совсем иначе. Точнее, их финал. Как будто кто-то или даже что-то присутствовало тогда в спальне мальчиков в тот роковой вечер. Как будто бы сильная мужская энергетика была там. Была с ним, *была за него*.

После того как парни разошлись и Эрик, сидя в такси, держал путь домой, он еще раз прокручивал в голове это событие из его детства. Что-то странное всплывало в памяти на этот раз. Точнее, кто-то странный. Незнакомый, доселе не фигурировавший в этой истории. Конечно, бывает так, когда воспоминания далекого прошлого блекнут, подобно старой затертой фотокарточке. Там уже с трудом различимы, а порой и начисто не видны некоторые детали, которые до этого были различимы четко. Постепенно эти детали затираются, а еще через какое-то время становятся едва заметны. А если воспоминание совсем старое, то и вовсе зачастую никаких деталей, кроме самых основ, во многом додуманных сегодняшним разумом человека, там уже и нет. И нельзя с уверенностью сказать, что же здесь исторически достоверное, имело место в прошлом, а что лишь плод твоего воображения, заполняющий пробелы, появившиеся со временем, домыслы.

Вот и Эрик сейчас в такси поймал себя на мысли, что стал припоминать новую подробность того разговора с мамой побитого им мальчика из детства. Разговора, изменившего его судьбу. Он тогда увидел краешком своего детского зеленого глазика, в котором стояли слезы от бессилия и страха, как некий силуэт прошел в комнату, в спальню мальчиков. Эрик как будто бы ощутил тогда приятный запах хорошего парфюма, чем-то напоминающего аромат, которым пользовался его отец. Он еще подумал, кажется, тогда: когда вырасту и если буду использовать духи, то их запах будет очень похож на этот!

Силуэт, а судя по походке и одежде, которые смутно различал Эрик своим заплаканным левым глазом, это был мужчина, остановился за спиной женщины, скручивающей ухо мальчика. Маленький Эрик сразу почувствовал прилив душевных сил и надежду, можно сказать, убежденность в том, что фигура пришла поддержать его. Он ведь хотел тогда этого всем сердцем и чувствовал, что сейчас его ругают несправедливо.

Силуэт из-за спины женщины спокойно сказал тогда: «Отпусти ухо мальчика, а то я сейчас точно так же поступлю с твоим ухом». Ушной захват раскрылся, и мальчик наконец-то смог взглянуть на мир трезво без пелены боли, застилающей глаза. В полумраке общей спальни он посмотрел на так кстати появившегося спасителя. Мужчина был высок и строен, в сером, необычного кроя пальто, казалось, опередившем свое время. По крайней мере, Эрик отметил, что не видел ничего похожего в те годы на взрослых дядях. Но, разумеется, может, пальто было просто импортным, привезенным из-за границы. Лицо мужчины очень напоминало лицо отца Эрика, только моложе. Также что-то в этом лице неуловимо напоминало и его маму.

Мужчина сказал спокойным, мягким, но в то же время достаточно низким и уверенным голосом:

– Мальчик, выйди, ты не сделал абсолютно ничего плохого, я поговорю сейчас с этой тетей. Вытри слезы, ничего и никогда не бойся. Скоро придет твоя мама, она заберет тебя. Ты можешь уже идти в гардероб и начинать собираться. А я пока поговорю с этой тетей повзрослому, – сказал мужчина и подмигнул маленькому Эрику правым глазом, цвет которого в сумраке мальчик не разглядел.

Сейчас, размышляя обо всем этом, Эрик Линдгаард нашего времени пытался сообразить, откуда взялся этот новый фигурант того самого детального и, пожалуй, определяющего в его жизни воспоминания. Почему раньше этот эпизод был начисто стерт из его памяти? Тому было два объяснения, по мнению самого Эрика. Первое – этот человек действительно был там тогда, а стресс, пережитый мальчиком в тот вечер, каким-то образом заблокировал память о нем и только сейчас под влиянием непостижимой цепочки ассоциаций блокировка была разрушена. Однако как в таком случае мужчина мог знать, что Эрик ни в чем не виноват, откуда вообще Эрик помнил его эту реплику чуть ли не буквально после стольких лет?

А может быть, Эрик просто сам придумал себе этого нового персонажа? Подсознание же его придумало эту самую реплику. Реплика была придумана, после чего, подобно эффекту дежавю, записана сознанием одновременно в сектора мозга, отвечающие и за память о прошлом, и за восприятие настоящего. Возможно, тогда в спальне никого третьего и не было, а были только он и женщина-мучительница. Просто память дорисовала нужное, чтобы человеку было легче сейчас. Память ведь так и работает. Если вы спросите двух людей об одних и тех же событиях пусть и не самого далекого прошлого, каждый расскажет вам об этих событиях в более выигрышном для себя свете. Но Эрику не хотелось останавливаться на этой версии, он был одним из тех, кто всегда предпочтет обыденной прозаичности налет мистической таинственности.

Была еще и третья версия. Но была она уж настолько невозможной и бредовой с точки зрения даже самого минимального здравого смысла, что Эрик решил ее просто проигнорировать и не принимать во внимание. Официальным же он выбрал объяснение № 1.

Между тем такси доставило приятно утомленного Эрика к подъезду дома, где он жил. Тот расплатился наличными с водителем, вышел из машины, прошел к своему автомобилю и, не найдя на том ни единого следа возможного соседского отмщения, довольный, не спеша поднялся к себе домой.

Глава 7

Спустя четыре абсолютно ничем не примечательных для Эрика дня ему приснился очередной интересный, мягко говоря, сон.

Вновь он ощутил себя под гнетом глубочайшего стресса, уязвимым и с чувством давящего смятения, а проснулся, не понимая, где сон, а где реальность.

– Да что же это за жесть такая? – полушепотом, потому как была глубокая ночь, поинтересовался сам у себя Эрик, зажигая светильник на прикроватной тумбочке.

Снилось ему вот что. Он уже не был прямым участником событий, а, будучи чем-то вроде бестелесного духа, для которого нет стен и препятствий, наблюдал сейчас взрослого мужчину кавказской внешности со смурным, мрачнее тучи лицом. Рядом с ним в маленькой как будто бы кухне сидела женщина. Она сидела с опущенными в пол глазами и в платке. Тот был повязан на мусульманский манер, так что покрывал одновременно шею и голову.

Мужчина потянулся к черному кирпичику смартфона на столе.

– Рахим, ну ты ведь меньше 15 минут назад набирал его номер, – со вздохом сказала женщина.

– Странно все это, Амина, – отвечал ей мужчина, – никогда еще наш сын так надолго не пропадал. Главное, что ведь и на работе ничего не знают, там он тоже не появляется вот уже три дня...

– Ну, ты же его знаешь, Рахим, может, нашел себе очередную девочку, голову потерял, ну и... – сказала женщина тихим голосом с вымученной надеждой, нервно потирая руки.

– Да сама же знаешь, не похоже это на нашего сына, Амина. На работу-то он никогда не забивал, несмотря ни на каких девочек.

Немного помолчали. Тусклый свет бра над столом только подчеркивал осунувшиеся впалые лица мужа и жены. Мужчина все-таки взял со стола телефон и набрал номер сына, но и на этот раз ответом ему вместо бодрого веселого голоса молодого человека была череда длинных гудков. Рахим Ахвердиев отложил телефон, еще немного помолчал, упер руки в колени и, не поднимая взгляда вверх на жену, помотав головой, сказал:

– Амина, завтра утром я пойду в полицию.

– Хорошо, Рахим.

Женщина встала из-за стола, кружка с ее чаем так и осталась нетронутой. Мужчина же открыл окно, взял с подоконника пачку сигарет, достал одну и закурил, уставившись невидящим взглядом на улицу. За окном падал снег, кружа в свете фонарей. Безмятежной природе в очередной раз было наплевать на смятение и бурю чувств в душах людей. Рахим докурил сигарету буквально в три затяжки, затушил бычок в пепельницу, закрыл окно и отправился к своей жене спать. Точнее, пытаться заснуть, отбиваясь внутри от роя больно жалящих мозг мыслей.

***

Утром, когда дороги Красноярска, будто вены атеросклерозом, скованы пробками, Рахим Ахвердиев вышел из дома, механически обмел машину от нападавшего за ночь снега и поехал в ближайшее отделение полиции. Конечно, он понимал, что, выехав позже, можно было бы избежать ненавистных пробок. Но бездействие в тот момент было для него невыносимо и невыносимо. Поэтому Рахим и решил поехать в участок ко времени его открытия – к 8 утра. То есть к тому самому времени, когда и подавляющее большинство жителей города отправляется в своих металлических капсулах в офисы, заводы, магазины розничной торговли, кофейни, моллы, в общем, на все те объекты, что делают мегаполис мегаполисом.

Оставив машину всего в одном квартале от здания участка, что было большой, можно сказать, удачей для центрального района, Рахим быстрым шагом направился в отделение. Народу было немного, и один из дежурных участковых принял его довольно быстро.

– Итак, вы утверждаете, что от вашего сына нет известий уже сколько? Целых три дня?? – после положенных приветствий и размещения за столом с легким сарказмом спросил участковый.

– Да, именно так. И ладно бы он просто не отвечал на наши звонки, ну, мало ли, при его работе он, допустим, мог резко быть командирован куда-то, где нет связи. Сотовой, я имею в виду. Но, понимаете, ведь о нем нет никакой информации даже на работе. Вот это уже действительно странно.

– Я-то все понимаю, особенно касательно молодых горячих кавказских ребят, – разводя руками, отвечал ему полицейский. – Полиция начинает искать людей и считать их пропавшими минимум через месяц! Точнее, через три дня после подачи вашего заявления мы начнем его искать... Должны начать. Начали бы, если бы не совершенно гигантское число таких заявлений! Плюс он взрослый совершеннолетний человек, может, загулял, понимаете, и ушел в штопор, так сказать, – еще больше разводя руками и теперь в дополнение к этому выкатывая слегка глаза из орбит (видимо, для пушей убедительности), говорил участковый. – А сколько детей пропадает! Сами понимаете, в первую очередь, естественно, приоритет розыска для них.

Рахим слушал все это с опущенной головой, больше машинально, чем сознательно кивая и нервно потирая руки.

– Но поймите! Это так не похоже на моего сына... Сделайте хотя бы официальный запрос на работу, пусть они пошевелиятся! Мне они только сказали, что он в отпуске вот уже вторую неделю, и, естественно, они не знают, куда он там решил отправиться, может, на Эверест, сказали они... А я и так знаю, что он в отпуске и действительно, может, на охоту поехал или на рыбалку, туда, где связи нет. Но поймите! Он всегда звонил и предупреждал об этом! А тут абсолютно никаких вестей вот уже три дня! У нас в семьях так не принято. Я имею в виду в Азербайджане...

Следователь слушал мужчину, не перебивая, внимательно. Локти разведенных до этого рук он поставил на стол, сложил ладони и упер в них подбородок.

– Я понимаю, конечно, – произнес он после сбивчивых объяснений отца. – Как, говорите, зовут вашего сына?

– Эмиль Рахимович Ахвердиев. Или Эмиль Рахим оглы Ахвердиев, если по-нашему.

Отец Эмиля написал заявление о пропаже сына, после чего, попрощавшись, сразу быстро уехал домой. Через положенные по полицейским протоколам три дня, в течение которых Эмиль так и не объявился, началось расследование. После отправки запросов в аэропорты и ж/д вокзалы выяснилось, что не так давно гражданин Ахвердиев-мл. купил билеты на рейс Иркутск – Томск и благополучно прошел регистрацию в аэропорту. Никаких эксцессов во время полета того рейса не было, борт благополучно совершил посадку в Томске, и в связи с этим дело о пропаже молодого человека туда и было переадресовано.

Не стоит забывать, что тело Эмиля было найдено. И хоть и было оно максимально обезображено с целью затруднить его опознание, но все же лазейка оставалась. Таких неопознанных трупов в ту неделю в городе было обнаружено три штуки. Следователи сообщили вышеописанные детали семье Ахвердиевых. Те, само собой, продолжали надеяться на лучшее, как сделали бы абсолютно любые родители в данной ситуации. Но в глубине души они понимали: надежда надеждой, а готовиться им предстояло в том числе и к самому худшему.

Еще через приблизительно неделю были готовы результаты экспертизы ДНК, и с вероятностью 99,58 % одним из трупов был Эмиль Рахимович Ахвердиев. Об этом было незамедлительно сообщено его родителям, те, в свою очередь, на следующее же утро вылетели из Красноярска в Томск.

Глядя на обезображенный труп Эмиля, любому человеку стало бы понятно, что это убийство. Поэтому дело передали в томский убийный отдел, который возглавлял Сергей Швед,

майор полиции, опытный и успешный следователь в прошлом. Он и сейчас порой возглавлял расследования в особо трудных случаях.

Все эти события Эрик наблюдал в своем сне. Точнее, в череде своих снов, которых было три или четыре, сам Эрик точно не запомнил. Эти сны напоминали собой некий сериал, который Эрик вынужден был просматривать ночами серию за серией. Каждый раз, проснувшись, наш герой несколько минут лежал с нехорошей тревогой на сердце, но быстро успокаивал себя тем, что это всего-навсего сон. Ведь так? Так ведь считает общество людей в мире: «Успокойся, расслабься, сынок (дочка). Это ведь просто сон, не волнуйся, ничего он не значит, просто кошмар», – любят говорить родители своим маленьким детям, которые впервые сталкиваются с, можно сказать, самой реальной из возможных виртуальных реальностей. И позже, взрослея, современный человек, конечно же, учится не принимать всерьез такой вздор, как какой-то там ночной всплеск мозговой активности, вызванный накопленными в подсознании переживаниями. По крайней мере, так или приблизительно так объясняет сновидения современная наука.

Все, конечно же, знают, что когда-то сны трактовали, относились к ним гораздо более серьезно. Но теперь любой уважающий себя взрослый человек, который вдобавок считает себя современным и прогрессивным, все эти бредни, предсказания и предупреждения, содержащиеся якобы во сне, относит к разряду бабушкиных сказок и деревенских суеверий. И, взрослея, человек строит вокруг себя стену для защиты от тех мыслей и переживаний, которые время от времени несут ему его сны. Человек просто не принимает их всерьез. Вот только с абсолютно каждым из нас случались необъяснимые, не поддающиеся анализу случаи, когда мы просыпались, потрясенные увиденным или, если хотите, показанным нам во сне.

А еще, например, все знают, что творческие люди и многие выдающиеся ученые утверждали, что их произведения или открытия как раз-таки и были совершены буквально во сне. Однако большинство из нас живет, всецело сосредоточившись на каждодневных заботах, практически полностью игнорируя то, что пытается сказать нам наш мозг, отпущенный ночами в свободное плавание. Или же это просто рефлексии, побочный продукт работы нашего бортового компьютера, сродни выхлопу автомобиля?

С Эриком, как, вероятно, и со многими из людей, уже случались подобные серии снов, объединенных одним, как сейчас модно говорить, сеттингом и сюжетом. Поэтому Линдгард, руководствуясь своим прошлым опытом, особо не удивился и не поразился очередному сериалу. Однако в глубине души это все-таки его настораживало. Все-таки уж очень длинный сериал он был вынужден довольно долго смотреть. Всякий раз на работе, особенно после очередной серии, он открывал почту и с облегчением смотрел на сообщения в рабочей почте от Эмиля. Даже несколько раз звонил ему узнать, как он в целом и как дела в Иркутске. Все эти разы, стоит отметить, они довольно мило и позитивно беседовали.

«К чему тогда все это? – думал Эрик. – Почему и кто мне так настойчиво все это показывает, как будто бы я действительно совершил убийство? Я ведь сейчас даже не чувствую и толики той ненависти к этому человеку, как раньше. Как намного раньше! Я совсем не переживаю по этому поводу. Почему же тогда снова и снова я это вижу? Либо же действительно подсознание – это непролазный темный лес и пытаться анализировать его рассудком – дело бесполезное. Или же?.. Я действительно где-то его убил, и все, что я вижу, реально происходит?.. Да ну! Бред какой-то! Пока еще ни один фантаст до такого бреда не додумался! ...Ну, по крайней мере, из тех, кого я читал. Да и как человек может быть одновременно жив и мертв где-то? Что за человек Шредингера такой?» – подумал про себя Эрик и улыбнулся.

Его здешний друг Иван еще, как назло, укатил куда-то в Юго-Восточную Азию на неопределенный срок. Как он сказал: «Пожить и переосмыслить кое-что».

«Вот же чудак, – думал Эрик, – ну ему-то что переосмыслить? И так живет как кот на масленице».

Значило это, что рассказать свой опыт и поделиться соображениями по этому поводу Эрику, как ему казалось, было не с кем.

Однако время шло, работа в Томске протекала спокойно и продуктивно, а Эрику чуть ли не каждую ночь продолжали являться события какой-то то ли параллельной, то ли придуманной его собственным мозгом реальности, в которой...

***

Сергей Швед (и откуда только Эрик знал, как их всех зовут?) сидел в своем кабинете во главе большого т-образного стола, предназначенного для совещаний небольших групп людей. Как раз сейчас стол и использовался по своему дизайнерскому назначению. Если стол походил на букву «Т», то за горизонтальной ее линией сидел сам Швед. За вертикальной же расположились его подчиненные из убойного отдела уголовного розыска города Томска: Николай, Виктор и Артем. Их фамилий Эрик во сне не получил. Если начальник отдела был взрослым, матерым, как по выражению его сурового лица, так и по коренастой кряжистой фигуре, 42-летним дядькой, его подчиненные смотрелись молодыми людьми в чине лейтенантов – младших и старших. Возраст их варьировался в пределах 30 лет. Николай, например, смотрелся лет на 35, а Артем, напротив, где-то на 27. Несмотря на эту разницу в возрасте, молодые люди чувствовали себя друг с другом, в общем-то, на равных, но за Сергеем признавали полный и безоговорочный авторитет.

Этот момент почувствовал Эрик. Он уже практически всегда осознавал себя в этой череде связанных снов, но вмешиваться и шалить, меняя реальность, как он любил делать в своих осознанных сновидениях, пока не решался. Во-первых, потому что хоть это и был его сон, но вот его самого, что, кстати, было очень странно, там не было. Он это видел просто как некий сторонний наблюдатель, а ни в коем случае не участник событий. Аналогия для понимания здесь простая: то же самое происходит, когда вы смотрите кино. А во-вторых, Эрик не вмешивался, потому что, несмотря на непонимание и даже порой страх, все же ему было очень интересно, что будет дальше.

Поэтому он радовался всплывающим в его сознании подробностям об участниках событий и только. Особо не задумываясь, каким именно образом и в честь чего это происходит.

– Значит, дело обстоит так, – начал Швед, – 17 ноября, в субботу, т. е. без одного дня как две недели назад, в сточном коллекторе какой-то бездомный обнаружил труп неизвестного белого мужчины. Сейчас уже личность установили. Сразу ясно, что это убийство – тело было обезображено. Вероятнее всего, при попытках убийцы затруднить опознание. Убитый – Эмиль Ахвердиев – сотрудник московской нефтяной компании. ... Или нефтесервисной. Точнее, иркутского ее филиала. В общем, не суть, в материалах дела прочтаете. Так вот, надо дело быстро раскрыть. Благо, как мне представляется на первый взгляд, ничего сложного. Но сделать это надо, подчеркиваю, быстро и грамотно. Дело в том, что убитый – иногородний, еще и азербайджанец, а это, сами понимаете... Сразу диаспора вступилась, поговаривают о возможном убийстве на почве межнационального... – Швед помолчал. – Хлопцы вы неглупые. Плюс ко всему, – продолжал он, – компания прочно укоренилась в нашем городе, много кто из верхушки завязан. Поэтому возглавлять расследование буду я лично. Коля и Витя, вы для пущего ускорения. Ну и Артема обкатаем, чтоб товарищ полковник на старости лет за внука лишний раз смог порадоваться.

Артем Кравцов – теперь сознанию Эрика открылась его фамилия – был внуком полковника полиции, очень уважаемого человека в городе Анатолия Кравцова.

Своим сознанием Эрик сфокусировался на молодом парне. Он захотел прощупать его легко, невесомо. И почти сразу, как только пожелал, увидел, что между ним и этим парнем довольно много общего. Одной из первых до сознания Эрика дошла информация о том, что Артем довольно неглуп, внимателен и пытлив. При пристальном обращении к нему Эрик почувствовал, можно сказать, «своего человека», взгляды на жизнь с которым во многом сов-

падают. Также Эрик ощутил, что парень, как и он, частенько задумывался над феноменом снов и кое-что знает об этом вопросе. «К чему бы мне эта информация?» – подумал Эрик. И следом как будто бы предупреждение, непонятно, как и от кого исходящее, настораживающим шорохом прошелестело в голове – *он может быть опасен*. Эрик еще внимательней оглядел Артема. На первый взгляд ничего особенного: худоват, узкое лицо с большими, пронзительными и умными синими глазами, каштановые волосы, на модный нынче манер уложенные вбок и наверх. «Хорошо хоть бороды нет, – со смехом подумал Эрик, – и татуировок с какими-нибудь хаски я, слава богу, пока не вижу. Ну или что там нынче модно у молодежи набивать? Хотя что я говорю?! Такой-то начальник эти все татуировки голыми руками вместе с мясом бы оторвал, и никакой бы дед не помог». В общем, галочку напротив парня Эрик для себя поставил.

Дальнейшие его размышления и анализ людей в кабинете майора прервал голос Николая:

– Иваныч, а на работу запрос отправляли? Что он здесь делал-то?

– Отправляли, он в это время был в отпуске, соответственно, здесь был с каким-то, возможно, и личным визитом. По крайней мере, я другого повода, по которому молодому парню из столичной компании тащиться к нам в провинцию, придумать не могу.

– Неплохая ниточка, – вступил в разговор Виктор, светловолосый гладковыбритый парень, про которого человек с цивилизованного и прогрессивного запада сказал бы, что у того «беби-фейс», – если и была у него тут какая-то пассия, я бы расспросил родителей или близких друзей.

– Отлично, Витя, – посмотрел на него Швед, – вот ты этим и займешься.

– Принято, Иваныч, – без особого энтузиазма по поводу полученного задания ответил блондин. – А если он это не афишировал и никто ничего не расскажет?

– Тогда существует план Б, который благодаря нашему 21 веку просто не может не сработать. Ты, Николай, узнаешь, какие банковские карты дают в этой московской компании своим сотрудникам, и запросишь в этот банк детализацию всех транзакций за последний месяц. Интересно, естественно, ближайшие к моменту смерти.

– Понял, Сергей. Тогда еще и на всякий случай в другие банки аналогичные запросы разошлю, пусть сделают детализацию, если у них есть такой клиент. А то сейчас же модно целую колоду пластика в кошельке носить.

– Правильно, Коля, так и сделай, – сказал Швед.

– Что касается нашего внука полка, – продолжал майор, – на тебе, как на самом молодом и прогрессивном, угадай что? Правильно, социальные сети и телефон. Найди друзей и знакомых, в первую очередь кто, конечно же, из Томска, если такие есть. А затем выясни, может, убитый звонил кому-то перед своей смертью или в ближайшую неделю? Или еще как-то связывался.

– Вас понял, Сергей Иванович, – отрапортовал младший лейтенант Кравцов.

– Ну, все, орлы, задания у всех есть, давайте прямо сейчас и за работу, а то на дворе пятница как-никак.

***

Видение другого мира или все-таки просто сон? Эрик хотел верить в последнее. Уж больно пугающе реально и детально там все складывалось. Так или иначе, дальнейшее наблюдение за событиями было ему закрыто. Или он сам так захотел и проснулся? «Слишком много вопросов», – думал Эрик. Ответить на которые для любого вменяемого человека, коим Эрик, конечно же, себя считал, не представлялось возможным. Предчувствие подсказывало, что тут все не так просто. Разум же, напротив, успокаивал и преподносил все увиденное как не более чем очередной феномен снов, которые пока никак не могла объяснить наука. Да и зачем, с другой стороны? Ну и что, что ночью люди иногда смотрят сериалы, связанные между собой одним сюжетом, подумаешь! Что, дел других, насущных, мало, что ли? Вон океан, например, загрязняют горы пластика, вызывая глобальное потепление! В Японии – самой прогрессив-

ной, на минуточку, стране – не выдерживают и горят ядерные реакторы. ЛГБТ-сообщество вообще, создается такое впечатление, идет войной на несчастный традиционный мир. Или это тот мир пошел на сообщество войной, пойдя разберись! Намного важнее озаботиться этими насущными вопросами! В качестве начальной меры для снижения уровня загрязнения можно запретить людям пользоваться... м-м-м... да пусть даже и трубочками для питья! Тем более британские ученые все уже давным-давно доказали.

Вот только Эрик, несмотря на набирающий градус абсурда в мире, все никак не мог перестать думать о своих ночных приключениях. Раз за разом он прокручивал в голове установку о том, что это всего лишь сны. Пытался, как за стеной, отгородиться за этой установкой от назойливых звоночков то ли в своей душе, то ли в сердце, или, может, в той же голове. Звоночки эти не умолкали и пытались что-то донести нашему герою. Но то ли сигнализировали они на каком-то непонятном языке, которого Линдгаард не понимал, то ли просто он не хотел принимать их всерьез. Ведь в самом деле, ну какой здравомыслящий адекватный человек, мужчина станет по-настоящему придавать им значение? А даже если и придаст, то что прикажете ему делать потом? Вот что? Глупо ведь на основе снов реально строить свое будущее и планы на завтрашний день.

Так и наш Эрик приказал себе не волноваться и не паниковать попусту, а просто следить за ситуацией, ее развитием. В том, что последний виденный им эпизод никакой не последний, он был почему-то уверен.

И он не ошибся.

***

Руководитель следственной группы находился в своем кабинете, когда раздался звонок. Утром, сразу после начала рабочего дня, он собрал подопечных у себя, чтобы выслушать, что парням удалось сделать за выходные. Виктор, как и планировалось, переговорил с родителями, выяснив, что сегодня ближе к обеду они как раз прилетают в Томск и первым делом, естественно, собираются отправиться на разговор к Шведу. Поиски Артема в «ВК» и мониторинг звонков убитого выявили лишь один интересный контакт – некая Алина Сафиуллиная, которая назвала себя подругой Эмиля. Вот только увидеться они так не успели. По ее словам, встреча как раз была назначена на вечер того рокового дня. Никаких других томских друзей, по всей видимости, у ныне покойного Ахвердиева-мл. не было. По крайней мере, ни телефонные распечатки, ни социальная паутина следствию ничего не показали. Николаю детализацию банковских операций обещали подготовить сегодня в течение дня.

Команда Шведа вернулась к другим делам. Сам же майор, не успев даже налить себе чаю, услышал телефонный звонок.

– Майор Швед слушает.

– Это Рахим, отец Эмиля. Здравствуйте, товарищ майор.

– Добрый день, Рахим Аббасович, вы уже прилетели?

– Да, Сергей Иванович, прилетели. Вы в отделении?

– Да.

– Тогда мы с женой направляемся к вам, – сказал Ахвердиев и положил трубку.

«Хорошо. Молодцы, что приехали, а не стали сидеть сложа руки и убиваться горем, как некоторые», – подумал майор, садясь в кресло и принимаясь уже наконец-то за чай.

Буквально через 40 минут в дверь начальника уголовного розыска постучали.

– Войдите, – громко сказал он.

На пороге стояли невысокого роста коренастый, чуть сгорбленный под гнетом немалых лет мужчина и с ним такая же невысокая пожилая женщина в хиджабе.

– Располагайтесь, – жестом пригласил их за стол Сергей.

– Соболезную вашему горю, – начал разговор Швед, – догадываюсь, как вам должно быть сейчас тяжело.

– Тяжело, конечно, гражданин майор, – со вздохом сказал отец Эмиля, – но и на это тоже воля всевышнего.

Швед отметил воспитанность и такт мужчины, ведь тот назвал бога «всевышний» на русском языке, а не «Аллах» на восточный манер, чем заслужил симпатию и расположение майора.

– Чаю не хотите? – предложил Швед. – У меня хороший, настоящий, индийский.

– Спасибо, нам не до чая сейчас. Задавайте, пожалуйста, ваши вопросы, гражданин майор, разберемся с этим по возможности побыстрее. Нам ведь еще нашего мальчика домой забирать, – сказал Рахим, смотря в пол.

– Да-да, конечно! Тогда приступим. Что ваш сын мог делать в Томске, на ваш взгляд, в свой отпуск?

– Мы с женой точно не можем сказать, – отвечал Ахвердиев. – Понимаете, он особо не распространялся нам о своих планах и мотивах. Однако куда и когда он уезжает, всегда сообщал. Поэтому мы, собственно, забеспокоились и обратились в полицию. Ведь такое исчезновение совсем не в духе нашего сына. Но он никогда не упоминал в разговоре никаких томских друзей или знакомых.

– Ясно. Но что же вы все-таки сами думаете? – настаивал майор, чтобы проверить свою единственную зацепку с этой Алиной.

Теперь в разговор вступила женщина:

– Мне кажется, у него какая-то девочка здесь была. Все-таки в 30 почти лет и неженатый... Для нас это редкость. Для нашего поколения так вообще было немыслимо. Молодежь же сейчас, наоборот, гуляет, не задумывается о создании семьи. Вот и Эмиль любил погулять...

– Угу. И все же. Вы не помните, чтобы Эмиль упоминал хоть раз некую Алину? Не обязательно из Томска.

– Да разве их всех упомнить было? – с печальной улыбкой сказала мать. – Да и особо часто он обо всем этом не любил говорить.

«Такая себе зацепка... – отметил про себя Сергей. – Но все равно стоит отправить к этой девушке кого-нибудь. Опросить скорее для самоуспокоения».

– Мы знаем, что его компания собирается открывать здесь филиал, они нам так сказали. В этом году. Но Эмиля ни разу не отправляли сюда с рабочим заданием.

«ЧЕГО-ЧЕГО?! – изумился Эрик, наблюдавший этот разговор. – Нет филиала? В планах?! Да что это за место такое? Точно, что ли, параллельный мир, просто очень похожий на наш, или же я теперь и во времени путешествую??»

Дела для Эрика стали принимать совсем уж интересный и интригующий оборот. Но эта только что услышанная им подробность успокоила его немного. Ведь если филиал еще не был открыт, то и сам Эрик сюда, соответственно, не был направлен, и таким образом, если даже и предположить, что следствие каким-то чудом на него и выйдет, то связать Эрика с убийством будет крайне трудно. Банально из-за алиби.

«Стоп! – оборвал сам себя Эрик. – Почему вообще я думаю как убийца, вынужденный замечать следы? Я ведь ничего такого не совершал. Этого ведь просто не может быть!»

А Сергей Швед тем временем продолжал опрос родителей Эмиля, чем вывел Эрика из раздумий.

– А вообще вы не знаете, были ли у него недоброжелатели, может быть, конфликты на работе?

– Да нет, вы знаете, – отвечал отец, – он про свои проблемы вообще никогда не говорил, даже когда был совсем маленький. Да и мы видели, что он очень смелый и бойкий и в случае чего всегда сам сможет за себя постоять. Ну, придет, бывало, домой с фингалом, а на все вопросы тогда отвечал, мол, ай, мама, папа, успокойтесь, все в порядке, сам разберусь. Ну и разбирался, видимо.

– Ясно... – протянул Швед, в голове уже примерно складывая психологический портрет убитого и понимая, что, вероятнее всего, данный опрос следствию мало чем поможет.

«Надо опросить Алину, а этих бедняг, пожалуй, можно вот прямо уже и отпускать, пусть займутся действительно важным для них делом», – заключил про себя Швед.

Сергей посмотрел еще раз в глаза родителям убитого по очереди и сказал:

– Хорошо. Не смею больше вас задерживать. Спасибо, что прилетели, помогли следствию. Сил вам и мужества. Сочувствую вашему горю.

– И вам спасибо, гражданин майор. Поймайте убийц. Всего доброго. Пойдем, Амина, – сказал Ахвердиев.

Они с женой поднялись и вышли за дверь.

«Так, что у нас получается? Ждем Николая с его банком. А Витю с Артемом пока к этой девочке отправлю, может, узнаем что», – продолжал рассуждать майор.

Сказано – сделано. Виктор с Артемом получили свое задание и, предварительно созволившись с Алиной, договорились встретиться с ней сегодня же в университете, где та училась на четвертом курсе.

Беседа двух следователей с Алиной была, в общем-то, ничем не интересна и не примечательна. Никакой новой или полезной информации эта беседа следственной группе не дала. Вечером следователи собрались в офисе Шведа. Все докладывали о проделанной работе.

– Так, – начал Сергей, – про Алину понятно, ничего существенного: должны были в день смерти убитого встречаться, толком ничего она о нем, естественно, не знает. Познакомились сравнительно давно в «Контакте». До этого, со слов девушки, не виделись. Она и сама была удивлена желанием убитого встретиться. Так, Артем? Хорошо, что со звонками?

– Сергей Иванович, Эмиль этот был не самый говорун, как, в общем-то, и большинство молодежи сейчас. В основном же все в мессенджерах общаются... Так вот, – продолжал Артем, – последний звонок был больше чем за сутки до его смерти. Звонил он то ли бывшему, то ли действующему своему начальнику – Петру Семеновичу Кропоткину. Думаю, просто у них неплохие дружеские отношения, а может, по работе что хотел уточнить. В общем, я этому Петру даже и звонить не стал, рассудил, что незачем.

– Да что ты? – широко раскрытыми глазами в упор посмотрел на него начальник. – Это ты теперь у нас что-то вроде третейского судьи, получается? Не слишком рано-то повышение на голову свалилось?

А сам подумал: «Хотя чтой-то я на молодого... Ну, бывают даже у полковников внуки, что теперь? С другой-то стороны, парень, в принципе, ничего такого и не сделал. Действительно. Ну каким образом нам действительно сможет помочь этот Петр Семенович?».

– ...Сергей Иванович, да я не подумал как-то, прошу прощения... Сейчас прямо после разговора пойду и...

– Ай, вольно, молодой! Нормально все. Сам позвоню, если что, отставить!

Артем облегченно вздохнул. Всем было это явственно слышно.

– Хорошо, дальше, – продолжал Швед. – Николай, что у тебя по банкам?

– Распечатку прислали, как и обещали, Иваныч. В более-менее значимые банки запрос отправил. Ни в одном банке, кроме того, куда им с конторы начисляют ЗП, такого клиента нет, налоговая пока до завтра должна пробить, какие вообще у него карточки имеются.

– Понятно, Коля. Что-нибудь интересное там есть?

– Там, Иваныч, – продолжал Николай, – уйма интересного, точнее, один пункт всего, конечно. Зато какой!

Николай оглядел коллег и побарабанил по столу пальцами.

– В тот самый вечер за несколько часов до убийства в кафе «Любимая чашка» на улице Ленина убитый расплачивался этой самой своей картой.

Коля с победными искорками в глазах оглядел собравшихся и остановил взгляд на шефе.

– Вот так вот, Иваныч, – продолжал он, – это уже не зацепка – зацепища!

– Это очень даже кое-что... – протянул майор, в душе, конечно, весьма радуясь тому, что так скоро удалось отыскать не просто ниточку, а добротный такой толстенный канат. Судя по его опыту, обнаруженный Николаем факт должен будет вывести их на убийцу. – Ладно, хлопцы, все молодцы. Завтра тогда прямо с этого конца и начнем раскручивать. Витя, с Колей поедете туда. Можете прямо с утра и отправляться. Потом пулей сразу в часть. Всё, все свободны.

Ребята начали собираться. Виктор и Сергей торопливо в несколько глотков осушили свои кружки с уже остывшим чаем. Швед выключил компьютер и последний вышел из кабинета. Ровно в тот же миг, когда в двери шелкнул последний поворот ключа, Эрик проснулся.

Глава 8

Следующей ночью Эрик был ничуть не удивлен, когда увидел во сне привычный томский пейзаж. Он уже легко осознавал свои сновидения. Ведь когда раз за разом перед твоим восприятием после теплоты уютной постели внезапно предстают улицы города, становится понятно, что ты спишь.

Он видел знакомый интерьер кафе, в котором пил какао (или, возможно, горячий шоколад) с Эмилем в тот роковой вечер. В кафе сейчас он наблюдал двух небезызвестных ему людей – Николая и Виктора – членов следственной группы по его делу. Да, по *его* делу. Именно так. Немного поразмыслив над всем этим днем, Линдгаард отринул мысли о случайности показываемой ему цепочки сновидений. Офицеры тем временем вели допрос администратора кафе.

– Да, Катерина Валерьевна, – обращался сейчас Виктор к девушке-администратору, – разумеется, стоило бы опросить людей, которые работали в тот вечер, но прошло уже немало времени. Я считаю, это будет неэффективно. У вас же ведется видеонаблюдение?

– Разумеется, – отвечала девушка, – прямо здесь можете и просмотреть. Илья вас проводит, он у нас что-то вроде системного администратора по совместительству. Сегодня, кстати, как раз работает. Илья! Подойди, пожалуйста.

К ним подошел молодой парень-официант.

– Илья, – сказала администратор, – проводи офицеров, они хотели бы просмотреть записи от 17 ноября.

– Конечно, Катя, понял. Пойдемте за мной, – ответил парень и сделал знак следователям.

Они прошли в маленькую белую комнатку, где, кроме стола с монитором, компьютера на нем и старого черного офисного стула на колесиках, больше ничего и не было. Комнатка была настолько узка, что три человека с великим трудом размещались в ней. Официант Илья сел на стул и открыл программу, дающую доступ к камерам наблюдения.

– Так, какая, говорите, дата вам нужна, парни? – спросил он.

– 17 ноября открывай, – ответил Николай, – давай с обеда.

Илья выполнил указания, и они втроем погрузились в просмотр записи. Интерьер кафе с камеры был виден целиком. Камера та располагалась в углу за барной стойкой. В серых тонах записи безголосые фигуры людей входили в кафе, располагались за столиками в ожидании официанта или же просто подходили к стойке, заказывая напиток на вынос. Дожидались они его где-нибудь в сторонке или за свободным столиком и после выходили обратно на улицу. Некоторые приходили парами и принимались мило о чем-то беседовать с партнером, склонившись над столом, иные из них даже романтически держались за руки.

– Давай-ка увеличь скорость в два раза, – попросил Илью Виктор, – а то до вечера здесь проторчим.

Их ассистент выполнил пожелание, и серые фигурки на записи задвигались ощутимо быстрее. И вот, когда таймер в окне с воспроизведением был на отметке 18:45, в кафе вошел модно одетый молодой мужчина кавказской наружности.

– А вот, похоже, и наш клиент, – с интересом сказал Николай и наклонился ближе к монитору.

Виктор скрестил руки на груди и стал дожидаться развития событий.

«Ага, ну, теперь я, по крайней мере, узнал, который был тогда час, – подумал Эрик, также с интересом и немалым волнением следивший за происходящим. – Скоро ведь и я должен появиться, и тогда дело примет совсем уж скверный оборот».

Эрик не знал до конца почему, но интуиция подсказывала ему, что вот-вот, уже совсем скоро он должен будет вмешаться в происходящее, нарушив размеренное течение событий. До этого он всегда только наблюдал за этой странной чередой снов.

Эрик не на шутку разволновался. Ведь после того как Эмиль сядет за столик, после того как ему принесут его заказ, он, Эрик, может войти в кафе в любой момент.

Следователи с интересом наблюдали за записью. Эмиль был пока за столиком один и, подобно львиной доле посетителей, погрузил все свое внимание в телефон. Вот официантка принесла ему заказ. Эмиль поднял голову, что-то вроде бы буркнул в качестве благодарности, отложил телефон и сделал глоток из чашки. Затем поставил чашку на тарелочку, посмотрел за окно и снова вернулся к своему телефону. Нажав пару раз на экран и выполнив несколько свайпов, он еще раз пригубил напиток.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.